

ОБЩЕЖИТІЕ
ДОНСКИХЪ КАЗАКОВЪ

ВЪ

XVII и XVIII СТОЛѢТІЯХЪ.

Историческій очеркъ.

Издание редакціи газеты „Донская Гель“.

Новочеркасскъ.

Областная в. Д. Типографія.

1892.

БИБЛИОТЕКА
Д. В. БОГАТВОСКОГО
Отд. М
Исторический отдел

ОБЩЕЖИТІЕ 947
С 91.

ДОНСКИХЪ КАЗАКОВЪ

ВЪ

XVII и XVIII столѣтіяхъ.

Историческій очеркъ.

РОСТОВСКАЯ И ДОНСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
ПУБЛИЧНАЯ

Изданіе редакціи газеты „Донская Рьнь“.

НОВОЧЕРКАССКЪ.

Областная войска Донского типографія.

1892.

Исторический отдел
ДОНСКИХЪ КАЗАКОВЪ
ПО КАТАЛОГУ

Проверено
1937—38 г.

Дозволено цензурою. 24 августа 1891 года. С.-Петербургу

ПРЕДИСЛОВІЕ.

13 августа 1891 года исполнилось 50-лѣтіе со дня смерти донского историка Василія Дмитріевича Сухорукова. ще до этого времени я думалъ напечатать одинъ изъ лучшихъ очерковъ этого почтеннаго писателя „Общежитіе донскихъ казаковъ въ XVII и XVIII столѣтіяхъ“; но въ виду сношенія отъ наследниковъ покойнаго В. Д. Сухорукова азрѣшенія на такое печатаніе, долженъ былъ отложить свое намѣреніе до времени, когда исполнится 50-лѣтіе со дня его смерти.

Вышеупомянутый очеркъ—солидное произведеніе, кажающееся бытовой стороны жизни донского казачества. В. Д. Сухоруковъ пользовался богатыми матеріалами при своихъ историческихъ работахъ, и вслѣдствіе этого, очеркъ его заключаетъ въ себѣ особенно цѣнныя данныя. Онъ въ замѣчательно доступной формѣ знакомитъ читателя съ старинною жизнью донского казачества. Въ виду этого, я и рѣшился напечатать его теперь. При печатаніи я соблюдалъ всѣ выраженія и обороты автора. Первоначально очеркъ „Общежитіе донскихъ казаковъ“ былъ помѣщенъ въ „Русской Старинѣ—карманной книжкѣ для любителей отечественнаго, на 1825 годъ, изданной А. Корниловичемъ“ (С.-Петербургъ, 1824 г.). Отсюда я и заимствую его. Подъ очеркомъ нѣтъ фамиліи автора; но свѣдѣнія нашихъ мѣстныхъ періодическихъ изданій достаточно убѣдительно доказываютъ, что авторъ его—В. Д. Сухоруковъ. Въ предисловіи къ „Русской Старинѣ“ издатель говоритъ, между прочимъ, что „Общежитіе“ написано «г. С., воинственнымъ питомцемъ знаменитаго Дона....

Авторъ пользовался современными актами и отчасти преданіями, которыя еще свѣжи въ народѣ, сильно привязанномъ къ родинѣ и потому свято сохраняющемъ память о прошедшемъ.

Считаю необходимымъ привести здѣсь краткія біографическія свѣдѣнія о В. Д. Сухоруковѣ, пользуясь для этого данными, разновремененно появившимися въ донскихъ изданияхъ.

В. Д. Сухоруковъ происходилъ изъ оберъ-офицерскихъ дѣтей войска Донского (*). Годъ его рожденія съ точностью не извѣстенъ. По послужному списку за 1830 годъ, ему было 35 лѣтъ. Первоначальное воспитаніе онъ получилъ въ Новочеркасской гимназій, откуда въ 1812 году поступилъ въ Харьковскій университетъ и окончилъ его въ 1815 году правовѣдомъ. Въ томъ же году, 1 октября, онъ былъ зачисленъ въ штатъ войсковой канцеляріи, а въ слѣдующемъ году переименованъ въ хорунжіе. До 1822 года В. Д. Сухоруковъ служилъ въ войсковыхъ учрежденіяхъ: съ 4 января 1822 года былъ опредѣленъ состоять при генераль-адъютантѣ Ал. Ив. Чернышевѣ (впослѣдствіи военный министръ, графъ), который былъ предсѣдателемъ комитета объ устройствѣ войска Донского и обратилъ вниманіе на способности Василія Дмитріевича. Въ 1822 же году Сухоруковъ зачисленъ въ лейбъ-казачій полкъ, съ переименованіемъ въ корнеты; въ 1823 году произведенъ въ поручики. Съ 1822 по 1825 годъ, до осени, Сухоруковъ находился въ С.-Петербургѣ при Чернышевѣ, живя въ одномъ съ нимъ домѣ, и пользовался особеннымъ вниманіемъ и любовью его. Въ это же время, исполняя работы, возлагаемыя на него Чернышевыми, онъ усердно занимался по составленію историческаго и статистическаго описанія земли войска Донского. Но не долго длилось расположеніе Чернышева къ Сухорукову: между ними произошелъ какой-то разладъ, о причинахъ котораго до сихъ поръ не имѣется никакихъ достовѣрныхъ свѣдѣній, кромѣ

(*) „Донск. Газета“, 1877 г., № 1.

догадокъ. Разладъ этотъ, какъ полагають, былъ причиною долговременныхъ несчастій, всюду преслѣдовавшихъ Сухорукова.

Въ 1825 году В. Д. Сухоруковъ былъ прикомандированъ къ Свиты Его Величества генераль-маіору Богдановичу, завѣдывавшему межевыми работами на Дону, для окончанія историческаго и статистическаго описанія земли войска Донскаго, и выѣхалъ въ Новочеркасскъ. Въ 1827 г. надъ нимъ разразилась неожиданная бѣда: изъ поручиковъ гвардіи его переименовали въ сотники и, по распоряженію высшаго начальства, командировали на Кавказъ. Немедленно сдаль Сухоруковъ всѣ хранившіеся у него историческіе и статистическіе матеріалы и уѣхалъ съ Дона. Съ этого времени жизнь даровитаго историка была рядомъ несчастій. На Кавказѣ Василій Дмитріевичъ обратилъ на себя вниманіе корпуснаго генерала Паскевича; но послѣдній ничѣмъ не могъ помочь ему: онъ даже не добился, чтобъ Сухоруковъ былъ повышенъ чиномъ.

Въ 1830 году Сухоруковъ былъ командированъ съ Кавказа въ Финляндію, что послѣдовало по распоряженію Чернышева, бывшаго тогда военнымъ министромъ.

Въ 1831 году, влѣдствіе настоятельнаго ходатайства Сухорукова, его уволили на Донъ; но въ августѣ 1834 года онъ вновь командированъ былъ на Кавказъ, гдѣ пробылъ до 1839 года, а затѣмъ уже уволенъ въ отставку.

Въ 1836 году Василій Дмитріевичъ женился въ Пятигорскѣ на дочери статскаго совѣтника Ольгѣ Васильевнѣ Швецовою и имѣлъ отъ этого брака трехъ дочерей.

Въ 1839 году, по выходѣ въ отставку, Сухоруковъ возвратился на Донъ, гдѣ жилъ уже частнымъ человѣкомъ, не служа. Еще до отставки, въ 1836 или 1837 году, онъ былъ произведенъ въ есаулы. 13 августа 1841 года Василій Дмитріевичъ скончался, а 15 августа былъ погребенъ на новочеркасскомъ кладбищѣ.

Общежитіе ДОНСКИХЪ КАЗАКОВЪ въ XVII и XVIII столѣтіяхъ.

Въ отечественную войну 1812 года Донское войско показало свѣту свои чувства: всѣ казаки, и старцы и юноши, взялись за оружіе, подвизались за вѣру и отечество.

При первомъ звукѣ воинской трубы старый донской воинъ Побѣдинъ, секундъ-маіоръ прошедшаго столѣтія, выслалъ своего послѣдняго сына и внука въ полкъ, въ которомъ старшій его сынъ служилъ есауломъ; когда же образовалось ополченіе, самъ старикъ снялъ со стѣны дѣдовскую саблю, пошелъ къ Москвѣ— умереть подъ стѣнами ея или торжествовать побѣду съ братьями.

Между тѣмъ многочисленныя полчища Наполеона, опустошая Россію, приближались къ древней столицѣ. Есауль Побѣдинъ, проходя съ отрядомъ чрезъ деревню г-жи Б., отбилъ шайку мародеровъ, готовившихся расхитить ея имущество. Казаки прогнали неприятеля, но дорого заплатили за сей успѣхъ: есауль

былъ убитъ; съ нимъ вмѣстѣ пали братъ и сынъ его. Донскіе воины, оплакавъ смерть своего начальника, погребли его въ одной могилѣ съ его родными: г-жа Б. и признательные поселяне оросили слезами смиренный крестъ, воздвигнутый надъ прахомъ храбрыхъ защитниковъ отечества.

Старикъ Побѣдинъ получилъ роковую вѣсть о сей потерѣ подъ Москвою; общія несчастія отечества заглушили въ душѣ его голосъ скорби. — Дѣти мои умерли, какъ должно русскимъ воинамъ, думалъ онъ; грѣшно сокрушаться о нихъ. Святая Русь—мать моя; родимый Донъ—мое семейство; я еще не сирота. Царь призрѣть старость мою, Господь Богъ ниспошлетъ утѣшеніе.

Побѣдинъ кончилъ кампанію, былъ два раза во Франціи и осенью 1815 года возвращался домой, украшенный орденами и ранами. Въ пылу сраженій, въ торжествѣ побѣдъ, онъ помышлялъ единственно объ отечествѣ и не чувствовалъ грусти; но она отозвалась въ душѣ его въ тишинѣ мира. — Другіе возвращаются на радость въ дома, а я поѣду поплакать на могилѣ родныхъ, сказалъ онъ; взялъ отпускъ и полетѣлъ на то мѣсто, гдѣ навѣки погребено было его семейственное счастье.

Надъ прахомъ дѣтей своихъ Побѣдинъ нашель памятникъ, воздвигнутый г-жею Б. Не взирая на твердость старика, грусть, потрясая его душу, раскрыла то раны, и чрезъ нѣсколько дней онъ слегъ въ по-

стель; искусство медика, при искреннемъ участіи г-жи Б., скоро возвратило его къ жизни, но не къ счастью.

У г-жи Б. уже все было готово къ отъѣзду въ Москву; она убѣдила Побѣдина сопутствовать ей, съ тѣмъ, чтобы оттуда не прежде отправиться на свою родину, какъ по совершенномъ выздоровленіи.

Въ домѣ г-жи Б. въ Москвѣ собиралось отличное общество; всѣ, кто къ ней ѣздили, принимали истинное участіе въ положеніи Побѣдина. Взирая съ особеннымъ уваженіемъ на защитниковъ отечества, всякій разъ осыпали Побѣдина вопросами объ его родинѣ и образѣ жизни его земляковъ, объ ихъ обычаяхъ, увеселеніяхъ и проч.

Отвѣты его подавали поводъ къ новымъ вопросамъ. Онъ говорилъ о началѣ казаковъ, о первыхъ ихъ подвигахъ, о частной ихъ жизни; его-то рассказы рѣшился я здѣсь представить публикѣ.

Рыцарская жизнь казаковъ.

Казаки въ первобытномъ состояніи вели жизнь полудикую, своевольную, почти кочевую и безпрестанно искали приключеній или добычи на водахъ и степяхъ Украины. Составленные изъ пришлецовъ разныхъ земель и областей, сіи разноплеменные толпы не знали утонченностей общежитія, жили въ шалашахъ, питались плодами, рыбою и дичиною; все наслажденіе полагали въ войнѣ и набѣгахъ.

Только въ XVII столѣтіи гражданская жизнь казаковъ приняла видъ образованности; отсюда я начну свой разсказъ. Но и въ это время не найдете разнообразія свѣтской жизни среди жилищъ казачьихъ: тогдашній донецъ въ занятіяхъ, въ отдыхѣ, въ забавахъ является всегда воиномъ. Во снѣ и на яву одна мысль занимаетъ его: оружіе, слава и добыча; война—его стихія, его радость. Древность наша заключается въ *рыцарской жизни казаковъ*, въ которой вы не встрѣтите ничего похожаго на нынѣшнее.

По правому берегу Дона, отъ устья рѣчки Аксая до нынѣшней Воронежской губерніи, въ глуши лѣсовъ, между непроходимыми болотами, были разбѣяны небольшія крѣпостцы, единственные ихъ жилища, извѣстныя тогда подъ именемъ *городковъ*. Въ сихъ го-

родкахъ, гдѣ едва помѣщалось нѣсколько бѣдныхъ избъ или землянокъ, казаки, имѣя въ сосѣдствѣ безпокойныхъ враговъ, проводили всю свою жизнь, точно какъ на бивакахъ; не могли поэтому заботиться ни о красотѣ, ни объ удобности домовъ своихъ; старались только имѣть пріютъ и защиту отъ непогоды, полагая, что нарядныя строенія привлекутъ къ нимъ жадныхъ непріятелей. „Пускай, говорили они, пламя набѣговъ сожжетъ городки наши; черезъ недѣлю заплетемъ новые плетни, набьемъ ихъ землею, покроемъ избы, и городокъ готовъ; скорѣе врагъ устанетъ сожигать наши жилища, нежели мы возобновлять ихъ“.

Казаки рѣдко жилали и въ своихъ городкахъ, а собирались всегда въ нижней части Дона въ *главное войско* (главный городокъ), откуда расходились уже въ походы. Сначала Раздоры, потомъ Монастырскій и, наконецъ, Черкасскій, одинъ послѣ другого были главными городками. Сіе *главное войско* представляло истинный воинскій станъ, въ которомъ нѣсколько тысячъ человекъ, всегда вооруженныхъ, жили подъ открытымъ небомъ. Множество различныхъ племенъ составляли это общество. На казакъ видали смѣсь оружія и уборовъ разныхъ народовъ: ногайское и черкесское сѣдло, крымская или турецкая понона, черкесская епанча, русская пицаль, опрaвленная по-турецки, и при ней рогъ и визни, персидская сабля, на поясѣ булатный ножъ съ черенками рыбаго зуба, турецкій сайдакъ (лукъ), ружье, рогатина, — составляли.

богатство и украшеніе тогдашнихъ казаковъ. Каждый день собирались они на площадь судить въ *кругу* своемъ о дѣлахъ общихъ и частныхъ; случалось ли вести судъ о какомъ-либо предложеніи отъ русскаго Государя, или о другомъ важномъ дѣлѣ, выносили на середину *круга* жалованное Царемъ *знамя*. *Порочныхъ* или *пенныхъ* въ *кругъ* не пускали; имъ прощали вины при трудномъ какомъ-либо предпріятіи, подѣ условіемъ заслужить дарованную милость храбростію. Въ такихъ случаяхъ писали въ призывныхъ грамотахъ по городкамъ: „Собирайтесь въ войско всѣ атаманы молодцы, *пенные* и *непенные*; а вины ихъ имъ отдадутся; ослушники же да лишатся расправы въ войскѣ“. Или: „И на томъ (ослушникѣ) наша войсковая пеня: вѣкъ бить и грабить, и суда ему въ войскѣ не будетъ“. Сіе послѣднее означало лишеніе гражданства.

Строгая осторожность наблюдалась въ *главномъ войскѣ*. Кромѣ того, что самый городокъ обнесенъ былъ стѣною, двойная, а иногда тройная цѣпь пикетовъ охраняла станъ; учреждались ближніе и дальніе конные разъѣзды; военныя суда, покрывавшія берега Дона и протоки, были прикованы цѣпями или затоплены; стада и табуны стереглись на островахъ или между лѣсомъ и болотами, куда почти не было пути. Казаки гордились своею бѣдностію, и однажды, подобно скифамъ, они отвѣчали крымскому хану на письмо, въ коемъ онъ угрожалъ притти самъ для опустошенія ихъ жилищъ: „Донскіе казаки угрозы твоихъ не боятся:

хотя ихъ городки некорыстны, оплетены плетнями и обвѣшены терномъ, но доставать ихъ надлежитъ твердыми головами; стадь же и табуновъ у насъ мало: напрасно забьешься ты въ такую даль“.

Въ *главномъ войскѣ* рѣшались все распоряженія о войнѣ и набѣгахъ; здѣсь кипѣла вѣчная дѣятельность: одни возвращались изъ похода, другіе отправлялись на поиски. Вотъ получена вѣсть, что татары хлынули на разореніе Украины; нѣсколько сотъ отважныхъ набѣзниковъ тотчасъ бросаются на перевозы и броды, засѣдаютъ въ скрытыхъ мѣстахъ и, выждавъ непріятеля, отмщаютъ ему кровью за раны отечества; плѣнники и сокровища враговъ награждаютъ мужество храбрыхъ.

Иногда они вихремъ неслись въ области Тавриды, или въ кочевья ногайцевъ; сокрытые отъ пронизательныхъ взоровъ непріятеля темнотою ночи или мракомъ суроваго ненастья, они напали на противниковъ врасплохъ; пользуясь ихъ смятеніемъ, протекали, подобно молніи, улусы мусульманскіе прежде, нежели устрешенный врагъ могъ опомниться, и возвращались въ войско съ табунами татарскихъ коней и прелестными плѣнницами.

Еще чаще небольшія партіи охотниковъ, отъ 5 до 50 человекъ, пускались доставать вѣстей и плѣнныхъ, или къ Азову, или къ ногайцамъ на Куму, Кубу и далѣе, или, наконецъ, въ Тавриду. Удальцы рыскали

по степямъ, ища *сакмы* (*) неприятельской; слѣдили враговъ и, настигнувъ, брали плѣнныхъ или быстрымъ нападеніемъ, или подкравшись въ темнотѣ ночной къ стану, или воспользовавшись оплошностію отсталыхъ. Когда не было *сакмы*, то набѣдники подбѣгали къ самымъ улусамъ и тутъ различными военными хитростями забирали добычу. Нерѣдко удавалось имъ отбивать цѣлые табуны, тысячи по двѣ и болѣе лошадей. Вообще въ этихъ поискахъ казакъ *шелъ въ траву съ травою равенъ*: высокій ковыль, кустикъ, пень, деревцо, ямка, заборъ, — все способствовало къ удачѣ всаднику-невидимкѣ. Овраги, горы, рѣки ставились ни во что: войны и кони умѣли всѣмъ пользоваться. Предъ ними широкая рѣка; въ нѣсколько минутъ у каждаго казака явится понтонъ своего покроя — нѣсколько пучковъ камыша, плотно связанныхъ; на нихъ перевозитъ онъ сѣдло и вьюкъ, а самъ съ конемъ пускается вплавь. Это называлось у казаковъ *переправляться на салаги* и было перенято отъ азіатцевъ.

Гораздо важнѣе были поиски морскіе. Въ малыхъ ладьяхъ, изъ которыхъ каждая едва помѣщала отъ 30 до 80 человекъ, казаки безстрашно носились по морямъ Азовскому и Черному до Константинополя и древней Колхиды, брали караваны, каторги, коммисіи ту-

(*) *Сакма*, татарское слово, слѣвавшееся у казаковъ техническимъ, означаетъ лошадиный слѣдъ на травѣ. Казаки были столь опыты въ своихъ наблюденіяхъ, что узнавали по сакмѣ, во сколько лошадей прошла неприятель, куда имѣлъ направленіе, когда именно прошелъ, сегодня, вчера, третьяго дня и т. д.

реція, собирали дань съ колхидцевъ, разоряли селенія, приступали къ городамъ. Соль и оружіе, рыба и серебро, одежда и золото, товары и драгоценныя каменья, — все было ихъ добычею. Также какъ по степямъ, часто и на моряхъ удалцы отправлялись малыми партіями искать добычи, или, какъ они говорили, *зипуны доставать*, отъ чего сами назывались *зипунниками*. Во время бури это морское войско на малыхъ судахъ своихъ претерпѣвало величайшія бѣдствія. Однажды, когда Государь, въ 1646 году, хотѣлъ было отправить на морской казачій поискъ своего дворянина, казаки писали: „Государь! надобно быть твердо и привычно, чтобы переносить наши походы; часто бури такъ разносятъ насъ, что не взвѣдаемъ другъ друга: одни въ глазахъ нашихъ тонуть, другіе разбиваются о камни и скалы; часто по нѣскольку дней остаемся мы безъ запаса и воды“. Но тѣ, кои спасались отъ разбитія и потопленія, еще съ большимъ трудомъ избѣгали отъ рукъ враговъ своихъ, нарочно послѣ всякой бури развѣзжавшихъ по морю для нападенія на казаковъ.

Отплытіе на поиски всегда сопровождалось нѣкоторымъ благоговѣйнымъ торжествомъ; возвращеніе праздновалось съ шумною веселостію. Въ первомъ случаѣ весь народъ стекался къ часовнѣ (послѣ — къ церкви, когда оныя были построены); вмѣстѣ съ походнымъ войскомъ слушали обѣдню и молебны, молили угодника Николая о покровительствѣ подвизавшихся на брань и, вышедъ на площадь, гдѣ приготовлены

были вино и медъ, пили прощальный ковшъ. Потомъ провожали походное войско до судовъ; на берегу еще запивали взаимное прощаніе и оставались тутъ до тѣхъ поръ, пока веселые ратники, напѣвая дружнымъ хоромъ: „*Ты прости, ты прощай, тихій Донъ Ивановичъ*“, терялись изъ виду. Тогда остальные возвращались на площадь и, желая, какъ они говорили, *погладить дорожку* своимъ походнымъ собратамъ, доканчивали недонитое съ громкими желаніями успѣховъ и побѣдъ отплывшимъ.

Если поиски казаковъ были удачны, тогда день возвращенія ихъ праздновали съ особеннымъ торжествомъ. Проѣхавъ благополучно чрезъ устья Дона, походный атаманъ посылалъ въ *главное войско* легкой стружокъ съ извѣстіемъ о своемъ приѣздѣ; всѣ бывшіе тутъ на то время, старый и младый, стекались на берегъ. Побѣдители, одѣтые въ лучшіе изъ добычныхъ одеждъ, съ распущенными знаменами, съ пѣнями, при звукахъ *литавръ*, торжественно проѣзжали мимо стоявшей толпы, привѣтствовали съ судовъ родные берега пушечными и ружейными залпами и взаимно принимали отъ встрѣчающихъ радостныя поздравленія. Предки наши, равно какъ и нынѣшніе донцы, всякій успѣхъ дѣла приписывали волѣ Божіей. Отъ того всегда постоянно сохраняется у насъ обрядъ, что войско, возвращающееся изъ похода, идетъ прямо къ церкви. По этому обычаю, суда всякій разъ останавливались противъ часовни, и не прежде, какъ по

отпѣтїи благодарныхъ молебновъ, воины выходили на площадь для свиданїя съ родными и товарищами. Поздравительные ковни съ виномъ и медомъ быстро переходили изъ рукъ въ руки; ратники хвалились добычею, дѣлали подарки и, усѣвшись въ кружки, за дружескою чарою рассказывали жаднымъ слушателямъ о своихъ подвигахъ.

Древнїе донцы хорошо понимали ремесло свое и, принимаясь за дѣло, исполняли его съ воинскою точностію. У нихъ постановлено было правиломъ, чтобы ни одинъ воинъ не смѣлъ брать съ собою въ походъ никакихъ хмѣльныхъ напитковъ; отираваясь на поискъ, всякій одѣвался въ старую ветошь и кромѣ сухарей, муки, пшена, сушенаго мяса и рыбы не смѣлъ брать никакихъ другихъ припасовъ. Они всегда твердили: „Зачѣмъ подавать непрїятелю надежду, что онъ можетъ отъ насъ чѣмъ-нибудь поживиться; пускай достанемся ему въ плѣнъ: мы больше у него съѣдимъ, нежели онъ прїобрѣтетъ отъ насъ“. Даже самое оружіе, съ которымъ казаки выходили на брань, имѣло бѣдную наружность: ни на сабляхъ, ни на ружьяхъ, ни на лукахъ не было никакихъ украшенїй; если кто бралъ новое полированное ружье, то непременно смачивалъ его разсолонъ, чтобъ позаржавѣло. „На ясномъ желѣзѣ *играетъ глазъ*“, говорили они. Никогда преждевременно не объявляли, куда предназначался походъ, но по большей части рѣшали это въ морѣ или въ полѣ. Въ войсковомъ же *кругу* назначалось просто: ит-

ти на море, итти на погайскую землю, въ Тавриду и тому подобное. Всякія вѣсти у плѣнныхъ и у своихъ посыльныхъ разспрашивали въ *кругу*, особо одни старшины и лучшіе казаки; молодыхъ же казаковъ и новыхъ пришельцевъ никогда къ тому не допускали. Старики придумывали все, что могло помогать успѣху ихъ оружія.

Отправлявшаяся въ походъ флотилія состояла вся изъ судовъ одномачтовыхъ, не болѣе 5 и 8 сажень длиною, въ 16 или 40 весель, съ *рейнымъ* парусомъ (*), съ брустверами по бокамъ, связанными изъ камыша, въ сажень и больше толщины, коими прикрывались казаки отъ непріятельской стрѣльбы; нѣскольکو небольшихъ пушекъ и фалконетовъ составляли все ихъ вооруженіе. Выждавъ удобный случай, ночью или въ туманную погоду, сія флотилія быстро устремляется на корабли и каторги непріятельскіе, настигаетъ ихъ прежде, нежели они успѣютъ приготовиться къ защитѣ, и битва всегда оканчивается абордажемъ и побѣдою. Послѣ того суда пристають къ берегу для нападенія на городъ или селеніе. Вы подумаете, что тамъ уже провѣдали о казакахъ и приготовились къ оборонѣ; нѣтъ, удалцы останавливаются въ мѣстахъ самыхъ скрытыхъ и почти неприступныхъ и, вышедъ изъ судовъ, бѣгутъ опроретью до назначеннаго мѣста, застають непріятели въ безнечности и побѣждаютъ его.

(*) Такъ называли паруса, прикрѣпленные къ краямъ судовъ.

Случается ли, что и на нихъ нападаетъ многочисленнѣйшій врагъ, они спѣшатъ къ устью какой-нибудь рѣки или къ морскому берегу, затопляютъ все свои суда и разсыпаются врознь. Прошла опасность, и они снова собираются къ судамъ, выливаютъ изъ нихъ воду, приправляютъ весла и по прежнему пускаются въ море на поиски.

Ужасъ, который распространили казаки своими морскими походами по всему поморью, едва въроятенъ: иногда, по одному слуху о ихъ приближеніи, жители бросали дома, разбѣгались по лѣсамъ, и на нѣскольдо сотъ верстъ кругомъ нельзя было встрѣтить чело-вѣка ни въ селеніяхъ, ни въ городахъ. Казаки брали здѣсь все, что было лучше, цѣннѣе и нужнѣе для нихъ.

Наполнивъ суда свои добычнымъ грузомъ и плѣн-ными, они спѣшили во-свои и, остановясь на Дону въ нѣкоторомъ разстояніи отъ *главнаго войска*, дѣ-лили между собою поровну добычу, что называлось у нихъ *дуванъ дуванить*. Плѣнники поступали въ *ду-ванъ* точно такъ же, какъ все другія вещи. Сего не-пріятельскаго *ясыря* собиралось иногда на Дону ты-сячь до двухъ и болѣе. Казаки старались забирать преимущественно знатныхъ людей для полученія вы-купа. Цѣна окуна доходила до 30 тысячъ злотыхъ, а особенно за турецкихъ пашей. Рядовыхъ воиновъ и простолюдиновъ вымѣнивали на русскихъ невольниковъ, многими сотнями привозимыхъ въ Азовъ, для чего близъ *нижнихъ юртъ* находился *окупный яръ*, или

размѣнное мѣсто, гдѣ производился выкупъ *ясыря*.
 Еще болѣе казаки брали въ плѣнъ женщинъ, коихъ
 собиралось иногда на Дону тысячъ до трехъ. Женъ
 знатныхъ мурзь также отдавали на окупъ, прочихъ же
 привѣтливымъ обхожденіемъ пріохочивали ко всегдаш-
 нему у себя жительству и обыкновенно женились на
 нихъ; иногда жены донскихъ старшинъ брали ихъ къ
 себѣ въ дома для хозяйства или въ собесѣдницы. У
 казаковъ существовалъ обычай, чтобы всѣхъ тѣхъ, кои
 попадутся въ плѣнъ *на самомъ острову*, т. е. въ
 Монастырскомъ или Черкасскомъ городкахъ, неминую-
 мо казнить смертію, какого бы званія кто ни былъ.

Мы имѣемъ много цѣсенъ *о дуванахъ*; для при-
 мѣра повторю одну изъ нихъ.

П Ъ С Н Я.

Какъ со славной со восточной со сторонюшки
 Протекала быстрая рѣчушка славный тихій Донъ;
 Онъ прорыль, проковальъ молодець горы крутыя,
 А по правую-то сторонюшку лѣса темные.
 На Дону-то все живутъ братцы люди вольные,
 Люди вольные живутъ-то донскіе казаки.
 Собирались казаки други во единый кругъ,
 Они стали межъ собою да все *дуванъ* дѣлать:
 Какъ на первый ать най они клали пять сотъ рублей.
 На другой-то най они клали всю тысячу,
 А на третій становили красну дѣвицу.
 Какъ растужится, какъ расплачется добрый молодець:
 Голова-ль ты моя головушка несчастливая,—
 Ко бою-то, ко батальицѣ ты найпервая,

На паю-то, на дуванѣ ты послѣдняя.

Какъ возговорить красна дѣвица добру молодцу:

Ахъ! не плачь ты, не тужи, удалъ добрый молодець,

Я сотку тебѣ шелковъ коверъ въ пятьсотъ рублей,

А другой коверъ сотку тебѣ во всю тысячу,

А третій-то коверъ я сотку, что и смѣты нѣтъ.

Донцы любили въ старину славить дѣла свои въ народныхъ пѣсняхъ. На всякое замѣчательное происшествіе, даже на каждый важный подвигъ своего собрата, они тотчасъ сочиняли новыя пѣсни, которыя всѣ имѣють свой собственный характеръ.

Изъ приведенной мною вы видите, что красавица заставила молодца кручиниться, и нечему дивиться: донцы во время рыцарской своей жизни, посвятивъ ее единственно войнѣ и набѣгамъ, опасались знакомить сердце съ прелестію любви. Юноша, побѣжденный нѣжною страстію (рѣдкій примѣръ), былъ чуждъ ихъ общества и преслѣдуемъ даже въ самомъ кругу своихъ товарищей обидными упреками. Сія общая черта въ народномъ духѣ пренятствовала прелестному полу имѣть вліяніе на общежитіе нашихъ предковъ; въ то время женщины были ограничены кругомъ своей семьи и немногими знакомствами съ сосѣдками.

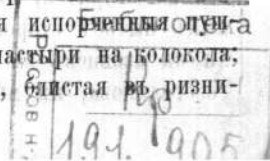
Но казаки, а особливо *низовые*, всегда были разборчивы въ красотѣ, выбирали себѣ женъ изъ прелестнѣйшихъ плѣнницъ: черкешенокъ, турчанокъ и татарокъ. Обидное чувство ревности было имъ незнакомо. Нѣкоторые вѣнчались по уставу церкви, другіе ограничивались однимъ объявленіемъ предъ народомъ

объ избранной ими женѣ. Сей послѣдній обрядъ въ старину былъ всеобщій у казаковъ, и даже тѣ, кои сочетались по правиламъ церкви, необходимо должны были предварительно его исполнить. Совершался онъ такимъ образомъ: женихъ и невѣста, согласившись на супружество, приходили вмѣстѣ въ собраніе народа (въ кругъ) на площадь, или въ *становую избу*. Помолясь Богу, кланялись на все стороны, и женихъ, назвавъ невѣсту по имени, говорилъ: „*ты будь мнѣ жена*“. Невѣста, поклонившись ему въ ноги, отвѣчала, также называя по имени: „*а ты будь мнѣ мужъ*“. Послѣ сихъ словъ вступившіе въ бракъ цѣловали другъ друга и принимали отъ всего собранія поздравленія. Этимъ оканчивался весь обрядъ, и утвержденное такимъ образомъ супружество почиталось законнымъ. Въ самомъ этомъ обрядѣ вы видите, какое преимущество имѣлъ мужъ предъ женою; дѣйствительно власть его была почти неограниченна.

Сколько легко было по обычаямъ казаковъ заключать супружество, столько же легко и разорвать оное: мужъ могъ сдѣлать это во всякое время, даже подъ тѣмъ предлогомъ, что жена ему не нравилась. Для разводовъ существовалъ особый обрядъ, который всеми постоянно былъ наблюдаемъ: мужъ, введя жену свою въ собраніе народа, говорилъ: „*атаманы молодцы! она была мнѣ услужливая и вѣрная супруга; теперь она мнѣ не жена, а я ей не мужъ.*“ Отказанную жену тутъ же могъ взять другой, прикрывъ

ее полою своего платья и точно съ тѣмъ же объявленіемъ предъ всѣмъ народомъ: „ты будь мнѣ жена“ и проч. Прикрытіе полою казаки почитали весьма важнымъ символомъ: оно значило снятъ съ отказанной жены безчестіе развода. Впрочемъ, въ старину большая часть казаковъ оставалась холостыми, такъ что въ иномъ городкѣ не было болѣе одного или двухъ женатыхъ. Но семейственная жизнь имъ правилась до такой степени, что дѣтей у женатаго няньчили всѣ его станичники, и когда показывался первый зубокъ у младенца, всѣ наперерывъ смотрѣли его съ восторгомъ.

Не подумайте, чтобы эти странности брачныхъ обрядовъ происходили отъ неуваженія религіи; нѣтъ, казаки всегда были набожны. Они имѣли два собственные монастыря: одинъ—Никольскій ниже Воронежа, въ Борщевѣ, другой—Рождественскій Чернѣевъ въ Шацкѣ. Многіе казаки, потерявшіе силу воевать, по обѣщанію посвящались здѣсь въ монахи, или просто оставались для того, чтобы въ богомольѣ провести остатокъ жизни. Здѣсь, точно какъ въ инвалидномъ домѣ, или богадѣльнѣ, всякій дряхлый, увѣчный, раненый казакъ могъ пріютиться и находилъ покой и содержаніе. Донцы ничего не жалѣли къ обогащенію своихъ монастырей: случалось ли получать знатную добычу на войнѣ, они почитали святымъ долгомъ жертвовать частію оной святынѣ; отнимали отъ непріятеля испорченные оружія, тотчасъ отсылали ихъ въ монастыри на колокола, серебро, золото, жемчугъ, камень, блистая въ ризни-

цахъ и церквахъ, свидѣтельствовали объ усердной вѣрѣ нашихъ праѣдковъ. Въ сихъ же монастыряхъ сохранялись и частныя пожитки многихъ казаковъ, особенно дорогія вещи, которыхъ они не оставляли въ своихъ городкахъ, по причинѣ частыхъ набѣговъ непріятельскихъ.

Казаки въ то время почти со всѣхъ сторонъ были окружены непріятелями; но азовцы, ближайшіе ихъ сосѣди и самыя неугомонныя враги, были имъ всѣхъ несноснѣе. Раздѣленные 50 верстами пустаго пространства, они по нѣскольку разъ въ году заключали между собою миръ и столько же разъ оный разрывали. Мирное время считали днями, а войну мѣсяцами. Нерѣдко случалось, что перемиріе прерывалось въ тотъ самый день, когда было заключено: обѣ стороны старались пользоваться малѣйшимъ на то поводомъ; даже частная ссора или драка одного казака съ жителями Азова могла возродить войну. Особенно казаки личное оскорбленіе товарищей своихъ принимали безчестіемъ цѣлому народу. Войну почитали забавою. „Дѣло наше казачье не великое, говорили они; случится которому казаку поѣхать Дономъ на низъ за сѣномъ или за дровами, и азовцы усцѣютъ его схватить, — намъ ли простить это? Мы поймаетъ у нихъ двухъ, трехъ, и война возгорится; послѣ сошлемся, помиримся и плѣнныхъ на обѣ стороны возвратимъ“. Донцы негодовали на азовцевъ за то, что они не умѣли держать ни своего слова, ни мирныхъ договоровъ, и вопреки по-

становленіямъ всегда ихъ задирали. „Какъ же намъ не стоять за себя? Доколѣ въ силахъ держать саблю, живые не дадимся въ руки“. Еще болѣе метили они азовцамъ за ихъ насмѣшки и говорили въ оправданіе свое: „Не дозволимъ никому оскорблять себя: сіи невѣрные вздумали ругаться надъ нами: поймавъ на промыслахъ казаковъ, остригаютъ у нихъ бороды и усы“. Казаки почитали безчестіемъ просить у нихъ мира, и установили правило никогда даже не начинать первыхъ переговоровъ о перемиріи, говоря: „мы даемъ миръ, а просить его намъ не пригоже“.

Впрочемъ, они долгое время не могли жить въ покоѣ и потому, что въ войнѣ заключался источникъ ихъ довольства и богатства; иногда только, по настояніямъ русскихъ Государей, и то весьма рѣдко, они сносили мѣсяць или болѣе наглости азовцевъ, не разрывая съ ними мира; но считали это важнымъ пожертвованіемъ и всегда старались поставить на видъ Государю, что для него *тернѣтъ* миръ съ азовцами, для него прекратили морскіе походы, *что онъ взялъ за себя всю волю ихъ на водѣ и на сушѣ, а у нихъ то и лучшій зипунъ былъ, чтобъ по вся дни подѣ Азовъ и на море ходить*, и что содержа долговременный миръ, они останутся босы и голодны.

Всякій мирный договоръ казаковъ съ азовцами былъ сопровождаемъ извѣстными обрядами и утверждался обоюдною клятвою. Дѣло обыкновенно начиналось тѣмъ, что изъ Азова пріѣзжали въ *главное*

войско мировщики склонялъ казаковъ къ прекращенію войны, и когда ласками и угощеніемъ успѣвали въ своемъ намѣреніи, то на вторичномъ съѣздѣ довѣренныя обѣихъ сторонъ поставляли условія договора, который велѣдъ затѣмъ утверждался со стороны казаковъ присягою *лучшихъ аманатовъ*, а со стороны азовцевъ *шертованіемъ* князя и старѣйшинъ города. Тогда войско размѣнивало аманатовъ, угощало у себя мировщиковъ и довѣренныхъ и, одаривъ ихъ запасомъ, виномъ и медомъ, отпускало обратно. Существовали постоянный обычай, утвержденный *указомъ турецкаго* султана, что Азовъ каждый разъ при заключеніи мира обязанъ былъ давать *на войско* извѣстное число котловъ, соли, сѣтей и тысячу золотыхъ.

Въ мирныя условія обыкновенно было включасмо, чтобы казакамъ *черезъ замирныя мѣста* не ходить на море, а азовцамъ на русскую Украину и казачьи городки. Иногда еще *выговаривали* азовцы, чтобы казаки извѣщали ихъ о томъ, что будетъ писано въ грамотахъ русскаго Царя на Донъ, обязываясь взаимно увѣдомлять *войско* о всѣхъ дѣлахъ и намѣреніяхъ Порты и Тавриды. Но казаки никогда не объявляли ни слова о содержаніи своихъ грамотъ, хотя изъ Азова получали подробныя извѣстія. За это обыкновенно возобновлялись ссоры и война, а наконецъ, подобныя статьи вовсе перестали вносить въ договоры. При разрывѣ мира та сторона, которая начинала войну, посылала другой *размирную*. Не послать же оной

быль поступокъ безчестный; но азовцы часто это дѣлали, и въ такихъ случаяхъ казаки уже поступали съ ними безъ пощады.

Хотите ли узнать, какъ писывались эти *размирныя*? И одну изъ нихъ помню: „Отъ донского атамана и всего войска азовскому Сулейманъ панѣ проздравленіе. Для дѣлъ великаго нашего Государя мы были съ вами въ миру; нынѣ все войско приговорили съ вами миръ нарушить; вы бойтеся насъ, а мы васъ станемъ остерегаться. А се письмо и печать войсковыя“.

Зная характеръ азовцевъ, казаки не дорожили ихъ дружбою, ибо и во время мира должны были соблюдать точно тѣ же осторожности, какъ и во время войны. Миръ и размирье для нихъ было одно и то же; даже послѣднее предпочитали, потому что, не нарушая правилъ чести, могли свободно *залезать* по перелазамъ и воевать на морѣ. Однако же въ мирное время оба народа соблюдали наружные признаки дружбы, торговали другъ съ другомъ, ѣзжали въ гости и проч.; но дружба эта и союзъ никогда не возрастали до такой степени, чтобы вмѣстѣ ходить на поиски или на войну; казаки почитали это безчестіемъ, и когда одинъ разъ Царь настоятельно того требовалъ (1630 г.), они отвѣтствовали: „Рады умереть за тебя, Государь; но не хотимъ служить съ бусурманами. Какой союзъ можемъ имѣть съ людьми, которыхъ презираемъ и которые видятъ въ насъ прямыхъ враговъ своихъ“?

Казакѣ вели себя такимъ образомъ съ азовцами не потому, что находили ихъ слабыми или трусами; напротивъ, сіи противники были дерзки, мужественны, неутомимы и всегда подкрѣпляемы толпами крымцевъ, погайцевъ, черкесъ, которые почти постоянно у нихъ проживали и ходили вмѣстѣ воевать на Украину. Въ Азовѣ бывали наѣздки удивительной храбрости; объ одномъ изъ нихъ *лежала* въ окрестныхъ странахъ поговорка: „легче взять городъ, нежели одолѣть Резену (имя его)“. Резена, бывъ 80 лѣтъ, еще приводилъ въ стыдъ всѣхъ юношей своей бодростію и проворствомъ. Казаки на одномъ бою взяли его въ плѣнъ, но, уваживъ чудесную его славу, выдали на окупъ за 8 тысячъ кумачей.

Кажется, донцы всегда умѣли перехитрять азовцевъ. Кто подумаетъ, напримѣръ, чтобы они могли найти доброжелателей въ самомъ Азовѣ, которые, бывъ подкуплены деньгами или ласками, сообщали имъ все вѣсти о предпріятіяхъ и намѣреніяхъ своихъ соотечественниковъ? Людей сихъ въ *войскъ* никогда не безчестили укорительнымъ наименованіемъ шпионовъ или переметчиковъ; но принимали какъ *добрыхъ своихъ пріятелей* и обыкновенно называли: *наши прикормленные люди*. При томъ же, имѣя всегда непріятельскихъ плѣнныхъ, казаки знали все, что замыслили турки, крымцы, азовцы и погайцы; однимъ словомъ, *войско* представляло тогда живую газету всѣхъ новостей о южныхъ сосѣдахъ Россіи, и сюда присылали

за вѣстями изъ украинскихъ городовъ, изъ Астрахани и Царицына. Сами казаки, съ своей стороны, посылали по нѣскольку разъ въ годъ *вѣстовыя станицы* въ Москву. Особенно они знали все, что дѣлалось и думалось въ Азовѣ; это родило у насъ народную поговорку, которую и теперь услышите даже отъ дитяти въ такомъ случаѣ, если кто рассказываетъ небылицу съ намѣреніемъ обмануть, или дѣло давно извѣстное за новость: „разсказывай донскому казаку азовскія вѣсти“!

Ногайцы, а въ послѣдствіи времени калмыки столько же были непостоянны въ исполненіи мирныхъ договоровъ. Не смотря на то, казаки иногда давали симъ народамъ позволеніе кочевать вдоль по Дону, почти въ виду своихъ городковъ. Ихъ не останавливало предательство враговъ; казалось, они произвольно подвергали себя очевиднымъ опасностямъ, какъ бы устрашась унать духомъ въ бездѣйствіи. Часто сіи вѣроломные азіатцы въ то самое время, какъ заключали договоръ съ *войскомъ*, тайно условливались съ азовцами о совокупномъ нападении на казаковъ. За подобное коварство казаки уже метили варварски: въ глазахъ мурзь и тайшей они терзали плѣнныхъ, привязавъ ихъ къ хвостамъ лошадей.

Для стадъ своихъ и табуновъ донцы готовили на зиму сѣно, которое всегда оставалось въ лугахъ, ибо въ городкѣ было тѣсно и опасно отъ огня. Дабъ оно уцѣлѣло при набѣгахъ непріятельскихъ, казаки

со всеми сосѣдами своими установили правило, чтобы сѣна ни въ какомъ случаѣ не жечь; разорять и сожигай городки, бей людей, дѣлай все варварства, но сѣна не трогай.

Вы видите, что у древнихъ донцовъ война была забавою, любимымъ упражненіемъ. Самые разбои ихъ по Волгѣ, столько всеми порицаемые, иногда носили отпечатокъ особенной характерности; такъ напримеръ, однажды (1660 года) шайка подобныхъ бродягъ, прибывъ на одинъ астраханскій учугъ и найдя его пустымъ, писала къ владѣльцу онаго: „Были мы, атаманы молодцы, на твоёмъ учугѣ и не нашли въ немъ ничего; приказываемъ: вышли туда 50 ведеръ вина, 10 пудовъ патоки, 50 мѣшковъ пшеничной муки да земли и оноки, что серебро льютъ. Если ослушаешься, атаманы молодцы выжгутъ твои учуги; а буде, сверхъ чаянія, станешь жаловаться воеводѣ, тогда не цений на насъ“.

Древнихъ донцовъ все упрекаютъ страстію къ корысти; но я расскажу случаи, которые сему противорѣчатъ. Однажды султанъ, доведенный до крайности казачьими набѣгами, придумалъ было купить дружбу *войска* дачею ежегоднаго жалованья; но посолъ его Кантакузинъ, при всехъ своихъ стараніяхъ, не могъ въ томъ успѣть. Это случилось въ 1627 году. Кантакузинъ и на Дону, и на пути къ Москвѣ, и въ самой Москвѣ всячески ласкалъ казаковъ, поилъ виномъ и медомъ, даже нарочно дѣлалъ для нихъ въ Москвѣ

ивное угощеніе; но они смѣлились всѣмъ его затѣямъ и прежде, нежели проводили его отъ себя, учинили новый набѣгъ на турецкія области. Послѣ того Порта, дабы склонить казаковъ къ миролюбію, однажды прислала съ тѣмъ же посломъ въ подарокъ войску четыре золотые кафтана. Казаки, отвергнувъ даръ сей, отвѣтствовали, что „у донскаго войска и однимъ Государевимъ желованьемъ всего много, а султанскіе подарки имъ ненадобны“. Потомъ хотя и приняли кафтаны по настоятельному убѣжденію Каптакузина, но такъ мало ихъ цѣнили, что чрезъ нѣсколько дней пошли на приступъ къ Азову и самого сего посла казнили.

Турки употребляли не одиѣ деньги для удержа-нія казаковъ отъ морскихъ походовъ. На двухъ проливахъ (Каланчѣ и Мертвомъ Донцѣ), которыми можно было проходить въ море, они поставили крѣпости съ башнями, наполнили оныя гарнизономъ, а чрезъ рѣчку перетянули цѣпи. Казаки, въ насмѣшку, пускали ночью внизъ по рѣкѣ бревна, кои, ударя въ цѣпи, содержали въ безпрестанной тревогѣ турецкій гарнизонъ и не рѣдко доводили до того, что онъ пренебрегалъ сими плавнями; тогда донцы, пользуясь симъ временемъ, переплывали въ маленькихъ лодкахъ между бревнами въ море. Они и въ большихъ ладьяхъ, вопреки всѣмъ осторожностямъ турокъ, производили свои любимые поиски, потому что ладьи сіи были весьма легки, и казаки перетаскивали оныя сухимъ путемъ съ одной рѣчки на другую. Такимъ образомъ,

или прямо съ Дона, или поднявшись вверхъ по Донцу, перевозили они свои струги на Міусъ и сею рѣчкою выходили въ море. Возвратившись къ ней послѣ похода, они затопляли ладьи, чтобы при новомъ поискѣ опять ими воспользоваться. Наконецъ, наскучившими усиліями, они сами между Каланчею и Мертвымъ Донцомъ прорыли свой *казачій ерекъ* (каналъ) которымъ уже свободно проходили въ море.

Казаки наводили такой ужасъ на турокъ и крымцевъ, что когда однажды азовцамъ удалось плѣнить нашего атамана Павла Федорова, то они голову его немедленно отправили къ крымскому хану, а ханъ послѣдовалъ представить оную въ Царьградъ султану, какъ лучшій трофей своего оружія.

Я столько насказалъ вамъ о войнѣ и набѣгахъ моихъ земляковъ, что вы спросите: что спасало самихъ казаковъ отъ взаимныхъ набѣговъ непріятельскихъ? Во-первыхъ, безпрестанная осторожность. Я уже упомянулъ выше, что старинные городки наши всегда были окружены пикетами и развѣздами и что казаки весьма вѣрно знали намѣренія своихъ враговъ. Такимъ образомъ, коль скоро доходила къ нимъ вѣсть, что непріятель хочетъ напасть на ихъ жилища, немедленно отправлялись *посыльные* по всѣмъ городкамъ съ грамотами, чтобы донцы собирались въ *главное войско*; оставшіеся съ женами и дѣтьми, сходились городковъ изъ 5 или 6 въ одно мѣсто и укрѣплялись для

защиты. Имущества тогда укрывали въ займищѣ (*), гдѣ на таковыя случаи были сдѣланы ямы на подобіе погребовъ. Вѣстовая пушка подавала знакъ къ тревогѣ. При ея выстрѣлѣ, всякій съ оружіемъ въ рукахъ бѣжалъ на площадь. Впослѣдствіи вмѣсто пушки казаки завели вѣстовой колоколь, разсчитывая, что налить изъ пушки убыточно.

Во-вторыхъ, казаки тщательно старались скрывать отъ непріятелей настоящее свое положеніе и географію своей страны. Для того крымскихъ посланниковъ и всякихъ плѣнныхъ, коихъ должно было доставлять въ Москву или обратно, они не иначе провозили Дономъ, какъ подъ палубою своихъ струговъ, или закрывъ ихъ на судахъ инымъ способомъ, дабы, какъ говорили казаки, *не знали они дороги по Дону и не высматривали, какъ стоятъ наши городки*. Турки съ удивленіемъ говорили: „Всякій годъ на морѣ побиваютъ казаковъ много; но число ихъ не уменьшается, а напротивъ, сколько бы въ одинъ годъ ихъ ни побили, на слѣдующій прибудетъ еще болѣе“.

Въ то время всѣ казаки, волжскіе, терекскіе и яикскіе, составляли какой-то союзъ съ донскими, и коль скоро послѣднимъ угрожала опасность или предстоялъ важный походъ, они давали вѣсть на Волгу, Терекъ и Ураль, и охотники стекались толпами на Донъ.

(*) Займищемъ у казаковъ называется лугъ, прилегающій къ рѣкѣ, который понимается весенними разливами воды; на немъ обыкновенно растутъ камышь, осока и болотный лѣсъ; бывають также сѣнокосы.

Общее мнѣніе сильно дѣйствовало на поддержаніе мужества и геройскаго духа въ народѣ. Храбрѣйшіе пользовались уваженіемъ всѣхъ собратій, и въ ознаменованіе онаго паряжались въ *легкія и зимовія станицы* въ Москву, что почиталось тогда важною наградою. Станицами назывались посольства отъ донскихъ воиновъ къ россійскому Самодержцу, отправлявшіеся не менѣе 5 разъ въ годъ, съ извѣстіемъ ли, или съ представленіемъ нуждъ народныхъ, или для принятія жалованья. Въ Москвѣ пословъ донскихъ принимали съ особенными почестями и обрядами: дьякъ или бояринъ, держа скрытно въ рукѣ листокъ съ описаніемъ предстоящаго церемоніала, выступалъ впередъ и докладывалъ: „*Вамъ, Великому Государю, Вашему Царскому Величеству донскіе казаки, станичный атаманъ такой-то съ товарищи челомъ ударили*“. За симъ, обратясь къ казакамъ, продолжалъ: „*Великій Государь, Его Царское Величество, жалуетъ тебя, атамана, съ товарищи къ своей государской рукѣ*“. По совершеніи сего обряда, Царь приказывалъ привѣтствовать отъ себя *войско*, и представляющій возглашалъ: „*Великій Государь, Его Царское Величество, жалуетъ атамановъ и казаковъ такого-то (имя войскового атамана) и все великое войско Донское, велѣлъ спросить о здоровьѣ и службу вашу милостиво похваляетъ*“. Послѣ представленія вся станица приглашалась къ царскому столу во дворецъ, гдѣ была угощаема съ *удовольствомъ и*

подчивана романсью. Тутъ подносили атаману, есаулу и каждому казаку порознь подарки: деньги, камку, тафту, сукно, соболи и серебряный ковшь атаману. Всей станицѣ выдавались на столъ ежедневно деньги, вино, медъ и пиво. Для ѣзды въ Москвѣ отпускались атаману изъ государевой конюшни лошади и экипажъ. На отпускѣ все казаки тѣмъ же порядкомъ представлялись Государю, угощались царскимъ столомъ и получали новые подарки. Такимъ образомъ, каждая станица, обласканная, щедро одаренная и удостоенная чести *узрѣть свѣтлыя царскія очи*, радостно возвращалась на Донъ и всякій разъ приносила всему войску царское жалованное слово и похвалу.

Разказы объ однихъ военныхъ подвигахъ утомить ваше вниманіе; перейду къ мирной жизни казаковъ; она была въ то время весьма однообразна.

Въ *главномъ войскѣ* или въ городкахъ казаки проводили всякій день вмѣстѣ, собираясь на площад или къ *становой избѣ*. Здѣсь, сидя въ кружку, они вязали сѣти, тенета, дѣлали разохи, слушали во время работы разказы одного изъ своихъ собратій о молодецкихъ его походахъ и, воспламеняясь славными подвигами товарищей, пѣли о нихъ богатырскія пѣсни, начиная каждую напѣвомъ: „*Да вздунай най дуна на вздунай дунай*“. Жили они истинно по-братски; всякій открывалъ чистосердечно, что намѣренъ дѣлать завтра, послѣзавтра и т. д. Набьетъ ли кто дичины, наловитъ ли рыбы, отвѣдывали ее все вмѣстѣ, и хо-

заянъ ничего не оставлялъ себѣ въ запасъ. На Дону сохранилось преданіе, будто въ старину товарищества казаковъ раздѣлялись по *сумамъ*, точно такъ, какъ у запорожцевъ по *казанамъ* (*), или, какъ нынѣ у насъ въ походахъ, по *кашамъ* (артелямъ). Человѣкъ десять, двадцать и болѣе товарищей имѣли общую суму, въ которой хранили свой запасъ и все добычное; потому мы еще и нынѣ называемъ товарища и друга *одно-сумъ*. Въ *становой избѣ*, или на *майданѣ* (**) старики играли въ шахматы или въ зерна; молодые же на площади близъ *майдана*—въ *кости* или бабки. Сія послѣдняя игра была общая и любимая у казаковъ, и посредствомъ оной они приобрѣтали такую мѣткость, что, пуская изъ рукъ камня, убивали птицъ и зайцевъ.

Природа надѣлила землю ихъ изобиліемъ. Богатый Донъ (казаки говорили, что у него *золотое дно*), дѣса, степи были для нихъ естественными хранилищами жизненныхъ потребностей; въ первомъ—рыба, въ послѣднихъ—звѣри, птицы, плоды водились и росли въ такомъ множествѣ, что изобиліе оныхъ вошло въ половицу. Наши предки говаривали: „Кормить насъ, молодцовъ, Богъ: подобно птицамъ, мы не сѣмъ и не собираемъ хлѣба въ житницы, но всегда сыты“. Въ старину казаки не знали хлѣбопашества, къ которому не прежде начали привыкать, какъ въ исходѣ XVII столѣтія.

(*) *Казань*—то же, что котель; слово—татарское.

(**) *Майданъ*, татарское слово, означаетъ площадь. Нынѣ на немъ называются такъ станичныя избы.

эт, не продует — Короче Короче,
эт, не едет, въ старомъ едет.

Любимыми ихъ занятіями были охота, которую они называли *гульбой*, и рыбная ловля. *Гульбичики* ѣзжали иногда большими отрядами, человекъ по сту, на задонскихъ степяхъ и даже по Кумѣ для ловли звѣрей; мѣсяца по два и болѣе, а иногда всю зиму занимались они охотою и къ веснѣ только приходили на Донъ для поисковъ. На рѣку Медвѣдицу, гдѣ бывали лучшіе звѣринные промыслы, часто пріѣзжали по 10 и болѣе *кошей* (*) *гульбичиковъ* изъ нижнихъ юртъ и обыкновенно проводили здѣсь зиму. Другіе, *камышники*, съ капканами и тенетами живали по камышамъ близъ своихъ городковъ.

Сія привольная и братская жизнь сильно привязывала казаковъ къ родинѣ; они славили свой *тихий Донъ*, называя его *кормилецъ родимый*. Въ плѣну и на одрѣ смертномъ казакъ, прощаясь мысленно со всѣмъ, что имѣлъ драгоценнаго въ жизни, всегда обращался къ Дону: „Прости, тихій Донъ Ивановичъ! Мнѣ по тебѣ не ѣздити, дикаго звѣря не стрѣливать, вкусной рыбы не лавливать“. Во всѣхъ старинныхъ нашихъ пѣсняхъ, даже въ самыхъ официальныхъ бумагахъ, вы найдете отпечатокъ сей страстной народной любви; на примѣръ, войсковой атаманъ письма свои къ постороннимъ особамъ обыкновенно начиналъ такъ: „Князь такой-то, здравствуй на многія лѣта и буди покровень десницею Вышняго; а я, *при милости Донского войска*,

(*) *Кошь* означаетъ то же, что станъ; въ переносномъ смыслѣ онъ значитъ *ватага*.

въ Черкасскомъ городкѣ, на Дону, по волѣ Божіей, живъ“.

Въ нижнихъ юртахъ всегда было большое стеченіе народа; здѣсь царствовало веселіе. Кромѣ казаковъ, обыкновенно собиравшихся въ *главное войско*, можно было найти тутъ множество постороннихъ во всякое время, а особенно весною и лѣтомъ. Торговые люди изъ украинскихъ городовъ, покрывавшіе рѣку своими судами; съ царскимъ жалованьемъ прибывшіі воевода съ провожатыми, коихъ всегда бывало отъ 50 до 100 человекъ; послы въ Турцію или изъ Турціи и многочисленная ихъ свита, обязанные всякій разъ непременно останавливаться въ *главномъ войскѣ*, чтобы учредить дальнѣйшій путь; высылаемые къ нимъ изъ Москвы на встрѣчу или для провѣдыванія чиновники, раза по три въ годъ, также съ провожатыми; астраханскіе и другихъ украинскихъ городовъ посольщики для узнанія на Дону вѣстей; занорожцы, страстные къ веселію, кой большими отрядами всегда проживали на Дону, пріѣзжая вмѣстѣ съ казаками съ морскихъ походовъ, — разнообразили картину военного стана, которую представляло *главное войско*. Все это собраніе не рѣдко стекалось въ одно время и оставалось въ *главномъ войскѣ* по нѣскольку мѣсяцевъ.

Сверхъ того, въ мирное время азовцы, ногайцы, а послѣ и калмыки непрерывно живали въ Черкасскѣ, пріѣзжая на Донъ или для продажи ясыря и лошадей, или для того, чтобы погулять съ своими

знакомцами. Калмыцкіе посланники ежегодно приходили въ Черкасскъ, и для угощенія ихъ казаки не жалѣли ни вина, ни меду, имѣя на то отъ Государя въ числѣ своего жалованья особую дачу. Калмыкамъ столько правилась жизнь казачья, что они охотно поступали въ ихъ общество и заключали съ нашими предками *союзы и договоры о вѣчномъ совмѣстномъ житіи и служеніи.*

Старые донцы въ свободное время любили повеселиться въ дружескихъ бесѣдахъ. Иногда въ присутствіи русскихъ дворянъ, своихъ пріятелей, чтобъ блеснуть, являлся одинъ старикъ въ лазоревомъ атласномъ кафтанѣ съ частыми серебряными нашивками и съ жемчужнымъ ожерельемъ; другой въ камчатномъ или бархатномъ полубафтанѣ безъ рукавовъ, и въ темно-гвоздичномъ зинунѣ, опушенномъ голубою камкою съ шелковою гвоздичнаго цвѣта нашивкою; третій, въ камчатномъ кафтанѣ съ золотыми турецкими пуговками, съ серебряными позлащенными застежками и въ лазоревомъ *настрафильномъ* зинунѣ. У всѣхъ шелковые турецкіе кушаки и на нихъ булатные ножи съ черенками рыбаго зуба, въ черныхъ ножнахъ, оправленныхъ серебромъ, красные или желтые сафьянные сапоги и кунья шапка съ бархатнымъ верхомъ. Другіе одѣвались въ богатые турецкія, черкесскія или калмыцкія одежды. Разстлали узорчатый коверъ и клали подушки, шитыя золотомъ и серебромъ по червчатому атласу. Становили серебряныя чаши съ виномъ

и медомъ, изъ коихъ черпали серебряными чарками и ковшами. Въ кругу своихъ товарищей наши прадѣды любили наряжаться въ тафтяныя рубашки или въ бархатные и камчатные кафтаны. Но если при постороннихъ хотѣли повеличаться, то показывали пренебреженіе къ своему богатому наряду, и въ бархатѣ или въ атласѣ также спокойно садились посреди грязной улицы, какъ на мягкомъ коврѣ. Можетъ быть отъ сего родилась молва, что казаки на Дону забогатѣли и въ кругу своихъ семействъ, съ женами и дѣтьми, наслаждались довольствомъ и избыткомъ. Накормить и напоить прѣзжаго почиталось обязанностію; кромѣ вина и меду, другихъ напитковъ не имѣли и особенно уважали первое такъ, что всякое угощеніе почитали за ничто, если при ономъ не подчивали ихъ виномъ. Отъ того изстари ведется у насъ, что если казакъ хочетъ изъяснить, что совершенно доволенъ кѣмъ-либо, то всегда говоритъ: „я у него былъ и вино пилъ“. Были и между ними *бражники и пропойцы*, кои, все что доставали на войнѣ, проигрывали въ зерна или пропивали.

Казаки радовались, когда торговые люди изъ украинскихъ городовъ: Воронежа, Бѣлгорода, Валукъ, Ливенъ, Ельца, Оскола и другихъ покрывали Донъ своими судами и привозили къ нимъ хлѣбъ, вино и медъ, огнестрѣльные снаряды. Въ то время кипѣла въ Черкасскѣ торговая дѣятельность; избытки казачьей добычи: лошади, скоть, персидскіе и турецкіе товары

шли въ мѣну. Часто русскіе, продавъ здѣсь товары, хаживали съ казаками въ походы, и потомъ, полюбивъ или получивъ навыкъ къ казачьему ремеслу, оставались жить на Дону.

Таковыя связи и особенно непосредственное сообщеніе съ Москвою годъ отъ году совершенствовались наше общежитіе; но болѣе примѣтная перемѣна въ ономъ произошла послѣ покоренія Азова. Въ семь торговомъ городѣ были порядочныя строенія; казаки тотчасъ подѣлили ихъ между собою и, проживъ тутъ болѣе 5 лѣтъ, безъ сомнѣнія, узнали преимущество домовъ, выстроенныхъ по правиламъ архитектуры, предъ своими землянками; они весьма рачительно заботились объ исправленіи оныхъ, а еще болѣе объ изобиліи всѣхъ жизненныхъ потребностей въ новомъ своемъ приобрѣтеніи и даже объ учрежденіи запасовъ на будущее время. Были довольны собою и обстоятельствами, проводили время весело, собираясь зсегда на *майданъ*, гдѣ всѣмъ обществомъ распивали государево вино; бѣднымъ товарищамъ своимъ и русскимъ плѣннымъ давали общественный запасъ; ласкою и кротостію хотѣли возстановить прежнюю торговлю города, поощряя всѣхъ пріѣзжавшихъ къ нимъ изъ чужихъ городовъ и земель. Здѣсь персіянинъ и калмыкъ, турокъ и грекъ, черкесъ и запорожець, ногаецъ и русскій толпились на улицахъ и площадяхъ, всегда дружественные съ казаками и ласково ими принятыя; многіе даже постоянно жили въ Азовѣ. Купеческіе карабли изъ Кафы, Керчи,

Тамани безбоязненно входили въ заливъ морекой и доставляли изобиліе городу. Въ одномъ углу расположены были шелкъ и бумажные товары; въ другомъ— юфта и сафьянъ; въ третьемъ— арака, ягоды, овощи; въ иномъ— лукъ, чеснокъ, соль. Въ это время болѣе всего развилась у казаковъ гражданская жизнь; они чувствовали и достоинство, и славу свою, гордились своимъ именемъ, называя себя: *казачество Донское вольное, безстрашное*; хвалились, что взяли Азовъ своимъ *дородствомъ и разумомъ* и не отдадутъ его врагамъ, пока живы; что ихъ казачьему житію завидуютъ всѣ земли, и имя ихъ пребудетъ вѣчнымъ; а въ грамотахъ по своимъ городкамъ писывали: „Станемъ смѣлымъ сердцемъ за честь, поддержимъ свою атаманскую и молодецкую славу; донинѣ еще никто даромъ зипуновъ съ насъ не снималъ“.

Турки и крымцы ихъ боялись; султанъ опасался, что не уцѣлѣтъ ему въ Царьградѣ, а дворъ его откровенно сознавался, что казачій Азовъ сдѣлался для нихъ *пуще и тошнѣ Багдада*. Усиливаясь годъ отъ году, казаки брали укрѣпленные города: Керчь, Кафу, Синопъ, Трапезондъ, Ризу, Перекопъ, Барасу и, наконецъ, уже методически вели войну съ Турціею и Тавридою.

Съ этого времени лучшіе атаманы донскіе, пріохоченные ласковымъ пріемомъ московскаго двора и поцестями, часто жилали въ Москвѣ и, приемотрѣвшися къ жизни бояръ русскихъ, не стали чуждаться пышности и,

непримѣтно удаляясь отъ старинныхъ привычекъ, не-
подволь вводили у себя разныя новости. Въ послѣд-
ней половинѣ XVII вѣка въ Черкасскомъ городкѣ бы-
ло уже построено нѣсколько порядочныхъ домовъ.

Атаманы Наумъ Васильевъ, Иванъ Семеновъ,
Лукьянъ Максимовъ, Корнелій Яковлевъ особенно из-
вѣстны введеніемъ новостей въ общежитіи; но атаманъ
Фроль Минаевъ первый, кажется, переступилъ за пре-
дѣлы простой жизни, и съ его времени, т. е. съ 1680
года, начинается новый періодъ нашего общежитія
описаніе коего помѣщаю въ слѣдующей статьѣ.

Частная жизнь донцовъ въ концѣ XVII и въ первой половинѣ XVIII вѣка.

Донскіе атаманы, вводя новости въ своемъ обществѣ, всегда умѣли удерживать старинную простоту, которая господствовала у ихъ предковъ. Фроль Минаевъ, жившій въ послѣдней половинѣ XVII вѣка, поступалъ не иначе.

Мы уважаемъ память сего героя; предки же наши, его современники, еще болѣе чтили его заслуги. Около сорока лѣтъ предводительствуя полками храбрыхъ, бывъ не менѣе двадцати разъ избираемъ въ войсковые атаманы, онъ, наконецъ, управлялъ мнѣніями и сердцама народа. Пятьдесятъ лѣтъ дѣятельной, военной жизни доставили ему значительное богатство. Бывъ часто въ Москвѣ въ посольствахъ ко двору, проведши тамъ въ началѣ царствованія Петра I довольно долгое время, уважаемый Государемъ и боярами, онъ присматрѣлся къ образу жизни тогдашнихъ вельможъ русскихъ и въ старости своей любилъ иногда показывать у себя заимствованную отъ нихъ пышность.

Обширный домъ его, лучший въ Черкасскѣ, стоялъ на прекрасномъ мѣстѣ. Пльнные татары и турки составляли его прислугу: они смотрѣли за конюшнею,

за псовою охотою, за чистотою и порядкомъ двора; въ праздное время были обыкновенными его собесѣдниками. Фроль обращался съ ними, какъ товарищъ, братски; въ военное время они сопутствовали ему въ походахъ, любили старика искренно и называли обыкновенно: *бабка*. Безъ гостей они обѣдали и ужинали съ нимъ вмѣстѣ; при гостяхъ служили ему за столомъ. За большими обѣдами, или когда атаманъ угощалъ особъ, къ которымъ хотѣлъ показать особенное вниманіе, служили ему кромѣ плѣнныхъ, три сына его, герои въ битвахъ, не разъ уже предводительствовавшіе полками казаковъ.

Минаевъ съ дѣтства привыкъ проводить время въ бесѣдахъ казачьихъ, и тутъ, не требуя для себя никакого предпочтенія, даже самъ вставалъ предъ стариками. Всякій казакъ называлъ его просто: *ты, Фроль Минаичъ*, или: *твоя милость*. Лѣтомъ каждый день, предъ закатомъ солнца, видали его въ кругу старыхъ воиновъ, кои, собравшись къ дому его *побесѣдовать о житьи-бытьи*, располагались на скамьяхъ подъ навѣсами крылецъ. Сюда приходилъ всякъ, кто хотѣлъ, безъ зову. Старики рассказывали о своихъ походахъ, о дѣлахъ предковъ; молодые, почтительно стоя въ сторонкѣ безъ шапокъ, со вниманіемъ слушали отцовскія повѣсти, изъ которыхъ учились военному дѣлу. Часто рассказы сіи, столь близкіе къ сердцу каждаго казака, воспламеняли души стариковъ, а особливо когда напоминали объ отличномъ подвигѣ котораго-нибудь

изъ собратій. Лицо Фрола Минаевича блистало тогда радостію. — „Это важный слуга, говорилъ онъ, и стоитъ, чтобъ въ честь его выпить“. Тотчасъ являлась *стойка* пѣнистаго меда, и сыновья Фрола подносили старикамъ задравныя кружки. Изъ молодыхъ казаковъ развѣ отличнѣйшіе храбростію удостоивались иногда получать изъ рукъ Минаева кружку меду, и это почиталось весьма важною наградою. Случалось, въ веселомъ расположеніи духа, вспоминать такимъ образомъ многихъ *важныхъ слугъ*, достойныхъ почетной чары; тогда простой разговоръ становился недостаточенъ для прославленія ихъ подвиговъ; воспламененные старцы запѣвали свои *богатырскія* пѣсни.

П Ъ С Н Я.

У насъ, братцы, на Дону, во Черкаскомъ городу,
 Проявилась у насъ, братцы, прироженная *тума*.
 Онъ изъ тумъ, братцы, *тума*, Сенька Маноцковъ злодѣй;
 Крѣпкой думушки съ стариками онъ не думываль;
 Думываль крѣпкую онъ думушку съ ярыжками.
 Перекинулся, собака, ко азовскому нашѣ,
 А азовскій-то наша сталь его спрашивать:
 Ты скажи, скажи, пріятель, правду истинную:
 Што-то думаютъ у васъ, во Черкаскомъ городу?
 «Да у насъ-то на Дону, во Черкаскомъ городу
 Старики-то пьютъ-гуляютъ, по бесѣдушкамъ сидятъ,
 По бесѣдушкамъ сидятъ, про Азовъ вашъ говорятъ:
 Ой не дай, Боже, азовцамъ ума-разума того:
 Не поставили-бъ они башенки на усть-рѣчки Каланчи,
 Не перекинули бы цѣпи черезъ славный тихій Донъ,

Не подвели бы они струны ко звонким колоколамъ.
Ужь нельзя намъ, братцы, будетъ во сине море пройтись,
По синю морю гулять, зипуновъ-то доставать». —
Какъ у насъ было на Дону, во Черкасскомъ городу,
Войсковой нашъ атаманъ во всю ночушку не спалъ;
Какъ со вечеру соколъ нашъ роговыя проплывалъ,
Ко сѣлу свѣту соколъ нашъ по синю морю гулялъ,
По синю морю гулялъ, кораблики разбивалъ.

Часто Фроль Минаевичъ приглашалъ къ себѣ гостей; для встрѣчи приходившихъ къ нему выходилъ самъ съ женою и дѣтьми на крыльцо и, взявъ гостя подѣ руки, вводилъ въ комнату, прося милости—въ его родительскомъ дому хлѣба-соли покушать. Угощеніе его доказывало избытокъ: каждому посѣтителю подносили медь изъ жалованнаго царскаго ковша, которыхъ Минаевъ имѣлъ болѣе 20. Никто изъ приглашенныхъ не могъ уйти прежде другого; но всѣ вмѣстѣ оставляли бесѣду, въ которой часто заставало ихъ утро.

Съ особенною пышностію угощаль атаманъ русскихъ дворянъ, азовскаго агу, турецкихъ нашей, горскихъ князей, знатныхъ татарскихъ мурзъ. Всѣ эти азіатцы, находившіеся съ нимъ въ дружескихъ связяхъ, часто нарочно пріѣзжали въ Черкасскъ для свиданія съ Фроломъ Минаевичемъ; онъ принималъ ихъ въ комнатѣ, устланной богатыми персидскими коврами; вдоль по стѣнамъ съ одной стороны были лавки, а съ другой—простого дерева раздвижныя стулья, на кои клались, собственно для сего случая, шелковыя подушки, шитыя золотомъ. На стѣнахъ висѣли оружіе и

сбруя: пищали, ружья, фузеи, сабли, шанки, кинжалы, шебалташи (*), рога, луки, колчаны съ стрѣлами, чеканы, ронзыки (**), и проч. Это вооруженіе, все оправленное серебромъ, развѣшено было съ такимъ вкусомъ и въ такомъ порядкѣ, что, составляя для глазъ пріятную картину, оживляло въ душѣ воиновъ величественныя воспоминанія. За столомъ, отъ стакановъ до чашъ и блюдъ, все было изъ серебра. Хозяикъ не запрещалось показываться гостямъ, и Фроль Минаевичъ, кажется, былъ первый на Дону, у котораго общества украсились присутвіемъ женщинъ.

Любя и уважая почтеннаго старца, многіе донскіе старшины ему подражали. Поздѣвы, Кумшацковы, Серебряковы, Кутейниковы, Машлыкины отличались умѣньемъ жить, ласково принимать и угощать *бесѣду*.

Но общежитіе наше гораздо примѣтнѣе начало совершенствоваться съ наступленіемъ XVIII столѣтія. Кромѣ тѣхъ причинъ, кои въ сіе время распространили въ Россіи свѣтскую жизнь, были еще нѣкоторыя обстоятельства, болѣе къ тому способствовавшія на Дону. Азовъ былъ отнятъ у турокъ. Правительство

(*) Такъ назывался поясъ изъ ремня съ пряжкой, украшенный серебряными бляхами съ чернію, на которомъ висѣлъ большой рогъ для пороха, также обложенный серебромъ, стальной *мусатъ* (огниво) съ отворкомъ и сафьянный *гаманъ* (мѣшочекъ) для пуль, обшитый серебрянымъ черкесскимъ *гайтано*мъ (шнуркомъ).

(**) *Ронзыками* у казаковъ называется конская сбруя: узда, нагрудникъ и пафы, на турецкій образецъ сдѣланныя и украшенныя серебромъ и шелковыми кистями, иногда съ позолотой и камнями.

запретило казакамъ производить морскіе и сухопутныя набѣги, и врожденная ихъ дѣятельность, не находя для себя пищи въ немногихъ военныхъ занятіяхъ въ жилищѣ, обратилась на житейскій кругъ. Старики охотно перенимали новости, кои не нарушали ихъ коренныхъ обычаевъ, и русскія обыкновенія вводились почти непримѣтно. Петръ Великій, предписавъ въ Россіи повсемѣстное употребленіе нѣмецкаго платья и запретивъ бороды, не налагалъ подобныхъ обязанностей на донцовъ. Казаки, радуясь сему изъятію, прислали въ Москву атамановъ съ изъясненіемъ благодарности Монарху. — „Мы взысканы, говорили они, твоею милостію паче всѣхъ подданныхъ; до насъ не коснулся твой указъ о платьѣ и бородахъ; мы живемъ по древнему нашему обычаю: всякій одѣвается, какъ ему угодно: одинъ черкесомъ, другой по-калмыцки, иной въ русское платье стараго покроя; мы это любимъ; нѣмецкаго же платья никто у насъ не носитъ, и охоты къ нему вовсе не имѣемъ“. Казаки не измѣнили сему обычаю даже до конца XVIII столѣтія; но, держась строго своихъ старыхъ привычекъ, они между тѣмъ распространяли кругъ своихъ занятій и увеселеній, кои придали жизни ихъ много разнообразія.

Важнѣйшее измѣненіе старины состояло въ томъ, что браки казаковъ, въ первой половинѣ XVIII столѣтія воспріяли всю силу свою по уставамъ церкви. Казакъ не могъ уже развестись съ женою, сказавъ на сборѣ: *она мнѣ не жена, а я ей не мужъ*. Велѣлъ

за симъ женщины получили право гражданства въ нашихъ обществахъ. Хозяйки, и особенно пожилыя, уже свободно могли показываться въ собраніяхъ мужчинъ; но все еще не скоро привыкли вмѣшиваться въ общій разговоръ и одушевлять бесѣды своимъ вліяніемъ, хотя, впрочемъ, жены старшинъ любили повеселиться въ кругу своихъ сосѣдокъ, которыхъ часто приглашали къ себѣ. Въ женскихъ собраніяхъ плѣнная турчанка подносила гостямъ на большомъ подносе сладкій медъ, а хозяйка, держа въ одной рукѣ стаканъ, а другою взявшись подъ бокъ, въ желтыхъ туфляхъ, пристукивала каблуками, припѣвая: „*Туфли къ милому глядятъ, полюбить его хотятъ*“.

Дѣвицы пользовались еще меньшею свободою: едва которой изъ нихъ совершалось 13 лѣтъ, и воля ея ограничивалась самымъ строгимъ приличіемъ. Дѣвушки на однихъ только свадебныхъ празднествахъ могли быть вмѣстѣ съ мужчинами, и обыкновенно проводили время или въ домашнемъ одиночествѣ, или въ кругу подругъ своихъ. Дома всѣ занятія ихъ ограничивались шитьемъ и смотрѣніемъ за кухнею; особенно же прилежали къ шитью, дабы получить названіе *чеберки*, которое давалось досужимъ мастерицамъ сего дѣла. Искусство шитья было тогда у насъ довольно однообразно: сшить *кубилекъ*, *выстегать узорами одѣяло* или *кафтанъ*, *выстрочить ожерелокъ кривымъ танкомъ*, *бурсачками*, *разводами* и проч.,—все, выученное отъ татарокъ или турчанокъ. Весьма немно-

гій обучались читать акафисты и каноны; писать же красавицъ нашихъ въ то время не учили вовсе, опасаясь, что грамотныя заведутъ переписку съ мужчинами. Каждое воскресенье и каждый праздникъ ходили онѣ въ нарядномъ платьѣ, вмѣстѣ съ бабушками или нянюшками, къ заутренѣ, къ обѣднѣ и къ вечернѣ; ввечеру сидѣли или расхаживали на крыльцахъ домовъ своихъ, скрываясь всякій разъ, какъ скоро завидятъ проходящаго молодого мужчину. Когда собиралось ихъ нѣсколько вмѣстѣ, играли въ *кремешки* (*), въ *жмурки*, въ *лапту* (**), пѣли и плясали подь пѣсни, подь *варианъ*, или подь *зребешокъ*. Собственная ихъ пляска была во всемъ сходна съ русскою. Иногда подь надзоромъ же бабушекъ и нянюшекъ выходили онѣ на улицу для хороводовъ; мужчины, стоя поодаль, могли только въ нѣкоторомъ разстояніи лю-

(*) *Кремешками* называются у насъ круглыя гладкіе камешки, величиною съ голубиное яйцо; для игры употребляется шесть такихъ камешковъ. Играющіе садятся на полъ, который покрытъ ковромъ, кладутъ пять *кремешковъ* на коверъ кучкою, шестой бросаютъ вверхъ не много выше головы и должны успѣть взять камешекъ съ ковра и поймать падающій съ верху. Каждая изъ играющихъ продолжаетъ такимъ образомъ брать съ ковра по одиночкѣ все камни порознь, потомъ всю кучу вмѣстѣ; послѣ перекладываетъ ихъ съ одного мѣста на другое, захватываютъ между пальцевъ, прокатываютъ подь пальцами и проч., продолжая одна играть дотолѣ, пока уронитъ бросаемый кремешекъ; въ то время передаетъ другой, которая точно то же дѣлаетъ, и т. д. Сія игра перешла къ намъ отъ татаръ.

(**) Въ игрѣ сей одной дѣвущкѣ завязывали глаза, другія составляли кругъ; первая, расхаживая въ кругу, должна была узнать, у кого находился жгутъ; ежели указывала не на ту, то имѣющая жгутъ, ударивъ ее, передавала жгутъ другой. Когда же узнавали, сей узнавшой завязывали глаза.

боваться сими играми. Замою дозволялось дѣвушкамъ *кататься на каталкахъ*, т. е. на гладкомъ льду, на которомъ скользили просто на ногахъ съ разбѣгу. Взрослымъ нельзя было оставаться до поздняго вечера ни въ хороводѣ, ни на *каталкахъ*, и если бы которая хотя немного запоздала, то бабушка нѣсколько дней сряду твердила бы ей; „не стыдно ли, дѣвушка, допоздна таскаться; что женихи скажутъ“? Хотите ли знать наружность нашихъ женщинъ? Представьте красавицъ роскошной Азии, смѣшанныя вмѣстѣ черты черкешенокъ, турчанокъ, татарокъ, русскихъ, и тогда получите общее понятіе о красотѣ обитательницъ Дона; пламенные черные глаза, щеки, полныя свѣжей жизни, величайшая опрятность и чистота въ одеждѣ составляютъ собственность нашихъ дѣвушекъ. Онѣ, какъ и всѣ женщины, любили наряды, и такъ же, какъ русскія барыни того времени, румянились, когда выходили въ церковь или въ гости.

Но строгое одиночество женщинъ мало-по-малу ослабѣвало: отъ каталокъ и хороводовъ онѣ непримѣтно присвоили себѣ свободу выходить на улицу просто для того, чтобъ погулять или *посидѣть* подлѣ *рундука* (помость, отъ котораго начиналась лѣстница). Главный городъ на Дону Черкасскъ былъ построенъ такъ тѣсно и неправильно, что нельзя было найти порядочнаго мѣста для гулянья. Почти ни одинъ домъ не имѣлъ двора. Всѣ строенія были весьма однообразны: снаружи высокая лѣстница вела на *галда-*

рею (*), отъ которой кругомъ всего дома шло высокое крыльцо; изъ галдарей—ходъ въ сѣни.

Взойдите въ средину дома: главная комната или зала всегда прибрана и готова для приѣма чужихъ; въ переднемъ углу на божицѣ стоитъ рядъ образовъ въ богатыхъ серебряныхъ окладахъ, надъ коими виситъ зажженная лампада, а съ божицы спускается *пелена*; по божицѣ и между образами висятъ въ пучечкахъ засохшіе цвѣты и разныя изображенія, сдѣланныя изъ цвѣтной бумаги и колосевъ. Въ углу, подъ святыми, столъ, покрытый чистою скатертью. Около стѣнъ лавки, а въ богатыхъ домахъ на одной сторонѣ нѣсколько стульевъ, или раздвижныхъ простого дерева, или рѣзныхъ съ высокими спинками. Всѣ стѣны увѣшаны оружіемъ и сбруею. Подлѣ двери поставчикъ, сдѣланный на подобіе шкапа со стеклянными дверцами, изъ-за которыхъ видна разложенная въ порядкѣ серебряная посуда. Изъ залы дверь въ спальню, а изъ сей послѣдней въ стряпную. Изъ сѣней ходъ на чердакъ, гдѣ жили младшіе въ семействѣ. Хозяйка содержала весь домъ въ удивительной чистотѣ: недовольно того, что каждую недѣлю по одному и по два раза мыли полы, еще нѣсколько разъ въ году обмывали всѣ наружныя и внутреннія стѣны и потолки. Сія заботливость о чистотѣ составляетъ до сихъ поръ

(*) Галдарей—родъ закрытаго со всѣхъ сторонъ балкона, который дѣлался передъ дверью, ведущею въ сѣни; самые же дома строились на высокихъ столбахъ, по образцу азіатскому.

отличительную черту въ характерѣ донскаго народа.

Самое большое развитіе стариннаго нашего обществѣна послѣдовало при атаманѣ Данилѣ Ефремовичѣ Ефремовѣ, который утвержденъ въ семь званіи въ 1738 году. Сей умный вождь казаковъ, имѣя по тогдашнему времени прекрасный вкусъ и значительное богатство, самъ любилъ жить весело и поощрять къ тому своихъ подчиненныхъ. Въ его время въ праздничные дни на всѣхъ улицахъ толпился народъ: въ одномъ мѣстѣ молодежь занималась борьбою, бѣганьемъ, игрою въ мячи, въ чехарду, въ бабки или въ *айданчики* (*). Въ другомъ — казаки, собравшись въ кружокъ, напѣвали богатырскія пѣсни. Тамъ стройный юноша, бросивъ небрежно шапку на бекрень, выступалъ изреди товарищей и съ первымъ звукомъ балалайки пускался плясать казачка быстро, живо, присвистывая и прищелкивая языкомъ. Здѣсь, подлѣ *рундука* судятъ чинно пожилые воины: посреди ихъ *ендова* (**)*переварнаго меда* (***) ; старцы, вспоминая о прежнихъ подвигахъ, осушали кружки прохладительнаго напитка. Подлѣ другого *рундука* на раскинутомъ коврѣ расположилась бесѣда старушекъ: это жены старѣйшинъ нашихъ; онѣ сдѣлали общую складку

(*) *Айданчиками* называются маленькія кости изъ бараньихъ ножекъ.

(**) *Татарскій мѣдный сосудъ*, родъ большой чаши.

(***) Старики любили *переварный медъ* по его крѣпости и хорошему вкусу.

и *ясырка* (*) на собранныя деньги принесла имъ сладкаго меду; передавая изъ рукъ въ руки кружку, онѣ выхваляютъ старину и поютъ духовныя псалмы и пѣсни о подвигахъ своихъ мужей и отцовъ. Проходитъ ли мимо ихъ знакомый или незнакомый мужчина, онѣ, привѣтливо поклонившись, приглашаютъ его: *подойди къ намъ, родненькій*, и потчуютъ медомъ, а тотъ, въ благодарность, кладетъ имъ на поднось деньги. За собранное отъ проходящихъ посылали въ другой разъ за медомъ, или замѣняли этимъ сборомъ складку будущаго воскресенья. Въ таковыхъ бесѣдахъ наши прабабушки любили говорить между собою по-татарски, что въ то время было въ большой модѣ. Въ другомъ мѣстѣ видали кругъ молодыхъ женщинъ въ праздничныхъ кубилекахъ: онѣ только что сошли съ ближняго крыльца, гдѣ хозяйка потчивала ихъ плодами, закусками, *сымечками* (**); теперь вышли онѣ на улицу *посидѣть* и *полюбоваться общимъ веселіемъ народа*. Онѣ также, подражая старухамъ, поютъ пѣсни и псалмы. Вотъ идетъ мимо казакъ пожилыхъ лѣтъ; не допуская его до себя на нѣсколько шаговъ, всѣ встаютъ, почтительно кланяются и садятся уже тогда,

(*) Въ лучшихъ домахъ нашихъ женщины имѣли для услугъ плѣнныхъ татарокъ и турчанокъ, кои назывались *ясырками*. Еще и нынѣ нѣкоторыя старушки называютъ горничныхъ дѣвушекъ *ясырками*.

(**) *Сымечки*, т. е. сѣмена арбузныя или тыквенныя, были во всеобщемъ употребленіи на Дону: ихъ жарили (сушили) на сковородѣ; каждая женщина и дѣвица почти всегда носила порядочный запасъ ихъ въ карманѣ для непрерывнаго употребленія. Это было въ обычаяхъ тогдашняго времени.

когда онъ удалился отъ нихъ на нѣкоторое разстояніе. Это уваженіе къ старшимъ съ малолѣтства укоренилось въ дѣтяхъ нашихъ и наставленіями, и примѣрами: молодые люди стыдились сдѣлать при старикѣ малѣйшую непристойность, иначе всякій старецъ могъ не только напомнить юношѣ о его обязанностяхъ, но и наказать его, не опасаясь гнѣва родителей. Женщины обязаны были отдавать первенство всѣмъ мужчинамъ, а особенно, когда сіи послѣдніе являлись въ доспѣхахъ воинскихъ; случалось ли вооруженному казаку встрѣтиться съ женщиною на узкихъ помостахъ грязной улицы, она, не смотря на грязь, должна была уступить мѣсто воину.

Но улицы города были тѣсны для вмѣщенія всей толпы веселаго и дѣятельнаго народа; для того многія *компаніи* молодыхъ людей, и особенно дѣти, выходили за городъ къ *полисаднику*, которымъ обнесень былъ весь городъ, или въ *сады*. Здѣсь молодежь, одни съ ружьями, другіе съ луками и стрѣлами, размѣривъ мѣсто, поставили цѣли, и вотъ первая стрѣла вонзилась надъ кругомъ, вторая вошла въ кругъ, третья—въ самую средину онаго. Пули одна другой мѣтче; рѣдкая возвысится или понизится на палець. Яйцо служить мѣтой, и ни одинъ выстрѣлъ не пролетаетъ мимо. Въ сихъ забавахъ воинственные юноши проводили большую часть дня; непрерывное упражненіе въ стрѣляннн доставило имъ удивительную мѣткость: были между казаками такіе стрѣлки, котодые

на довольномъ разстояніи выбивали пулею изъ рукъ монету, положенную между пальцами, не зацѣпивъ держащаго ее. Рассказываютъ анекдотъ, что Государь Петръ Первый во время похода къ Азову, остановившись въ Верхне-Курмоярской станицѣ и увидѣвъ какъ-то подъ противоположнымъ берегомъ Дона плавающую утку, спросилъ: нѣтъ ли тутъ казака, который застрѣлилъ бы ее? Вызвался молодой воинъ *Пядухъ*, поднялъ пицаль и убилъ утку, не цѣлившись. „*Исполать, казакъ!*“ сказала Государь; *и я убью, но только поцѣлюсь*“.

Въ другомъ мѣстѣ около полисадника большая толпа малютокъ, раздѣленная на двѣ партіи, разбила лагерь изъ камыша; всѣ—въ воинскихъ доспѣхахъ: въ бумажныхъ шапкахъ и лядункахъ, съ лубочными саблями, съ маленькими деревянными пиками; въ каждой партіи свой предводитель; знамена изъ окрашенной бумаги, трещотки, бубны и тарелки для торжественныхъ пѣсней. По данному знаку обѣ партіи снимаются съ лагера, сходятся, сражаются; побѣдители преслѣдуютъ побѣжденныхъ, отбиваютъ знамена, берутъ въ плѣнъ людей и торжественно съ трофеями своихъ подвиговъ, при звукѣ бубновъ и тарелокъ, входятъ въ городъ, чтобы принять отъ стариковъ похвалу. Казакъ *рожда*лся воинномъ; съ появленіемъ на свѣтъ младенца, начиналась его военная школа: новорожденному всѣ родные и знакомые отца приносили въ даръ на *зубокъ* стрѣлу, патронъ пороха, пулю, лукъ, ружье и

т. п.; даренныя вещи развѣшивались на стѣнѣ той горницы, гдѣ лежала родильница съ младенцемъ. Когда, по истеченіи сорока дней, мать, взявъ въ церкви очистительную молитву, возвращалась съ ребенкомъ домой, отецъ надѣвалъ на него какъ-нибудь саблю, сажалъ на лошадь, подстригалъ ножницами волосы въ кружокъ и, возвращая сына матери, поздравлялъ ее съ *казакомъ*. Когда у младенца прорѣзывались зубы, отецъ и мать, посадивъ его на лошадь, возили въ церковь служить молебенъ Іоанну воину о томъ, чтобъ сынъ ихъ былъ *храбрымъ казакомъ*. Первые слова, произносимыя малюткою, были: *чу* и *пу* (*). Трехлѣтніе уже сами ѣздили на лошадяхъ по двору, а въ пять лѣтъ безстрашно скакали по улицамъ и участвовали въ дѣтскихъ маневрахъ.

И старики не всѣ помѣщались въ бесѣдахъ, подлѣ *рундуковъ*: нѣкоторые собирались въ *станичныя дома*, которыхъ по числу станицъ города Черкаска было девять (**). Дома сіи были построены на берегу Дона въ близкомъ одинъ отъ другаго разстояніи; двѣ или три станицы пускали по рѣкѣ деревянный поплавокъ, прикрѣпивъ къ нему маленькую цѣль; пространство размѣряли такъ, чтобы отъ каждаго станичнаго дома цѣль отстояла на ружейный выстрѣлъ; начиналась стрѣльба со всѣхъ станичныхъ домовъ, и которая станица прежде успѣвала сбить цѣль, ту по-

(*) *Чу* выражаетъ хватъ верхомъ, а *пу*—стрѣлять.

(**) За исключеніемъ Татарской станицы.

бѣжденные обязаны были угощать *тройнымъ касильчатымъ* (*) медомъ. Другія *компаніи* стариковъ собиравшесь на *голубцахъ* (**) (на кладбищѣ), гдѣ, усѣвшись кружками, каждый поочередно приносилъ *ендову* крѣпкаго меда и, разнося кружки за упокой усопшихъ и въ честь живущихъ, начиналъ любимыя богатырскія пѣсни, повторяемыя всею бесѣдою:

1.

На зарѣ-то было на зорюшкѣ,
На зарѣ-то было на утренней,
На восходѣ было солнца краснаго:
Не буйные вѣтры подымались,
Не синее море всколыхалось,
Не фузеюшка въ полѣ прогрянула,
Не люта змѣя въ полѣ просвиснула,
Просвиснула пулечка свинчатая;
Она падала пулька не на землю,
Не на землю пуля и не на воду,
Она падала пуля въ казачій кругъ,
На урочную-то на головушку,
Что да на перваго есаулушку;
Понадала пулечка промежъ бровей,
Что промежъ бровей, промежъ ясныхъ очей;
Упалъ молодецъ коню на черну гриву.

2.

Не травушка, не ковылушка въ полѣ шаталася,
Какъ шатался, волочился удалъ добрый молодецъ,
Въ одной тоненькой въ полотняной во рубашечкѣ,

(*) Подъ симъ именемъ извѣстенъ былъ крѣпкій и ве
рошій медъ.

(**) *Голубцами* называются у насъ могильные памятники.

Что во той-то было во кармазинной черкесочкѣ;
У черкесочки рукавчики назадъ закинута,
И камчатны ево полочки назадъ застегнута,
Бусурманскою онѣ кровію позабрызгана.
Онѣ идетъ удалъ добрый молодець, самъ шатается,
Горючею онѣ слезою обливается.
Онѣ тугимъ-то своимъ лукомъ опирается;
Позолотушка съ туга лука долой летитъ.
Какъ никто-то съ добрымъ молодецмъ не встрѣчается;
Лишь встрѣчалась съ добрымъ молодецмъ родная матушка:
Ахъ ты, чадо мое, чадушко, чадо милое мое!
Ты зачѣмъ такъ, мое чадушко, наливаешься?
До сырой-то ты до земли все приклоняешься
И за травушку, за ковылушку все хватаешься.
Какъ возговорить добрый молодець родной матушкѣ:
«Я не самъ такъ добрый молодець наливаюсь,
«Напоилъ-то меня турецкій царь тремя пойлами,
«Что тремя-то было пойлами, тремя разными:
«Какъ и первое-то ево пойло—сабля острая,
«А другое ево пойло—копье мѣткое было,
«Ево третіе-то пойло—пуля свинчатая».

3.

Какъ ты батюшка, славный тихій Донь,
Ты кормилецъ нашъ Донь Ивановичь!
Про тебя лежитъ слава добрая,
Слава добрая, рѣчь хорошая.
Какъ бывадо ты все быстерь бѣжишь,
Ты быстерь бѣжишь все чистехонекъ;
А теперь ты, кормилецъ, все мутенъ течешь,
Помутился ты, Донь, съ верху до низу.
Рѣчь возговорить славный тихій Донь:
Ужъ какъ-то мнѣ все смутну не быть,
Распустилъ я своихъ ясныхъ соколовъ,

Ясных соколовъ, донскихъ казаковъ;
Размываются безъ нихъ мои круты бережки,
Высыпаются безъ нихъ косы желтымъ пескомъ.

4.

Не великій тамъ огоньшекъ горить,
То-то въ полѣ кинарисный гробъ стоитъ;
Во гробу лежитъ удалый молодецъ:
Во рѣзвыхъ ногахъ ему чуденъ крестъ,
У буйной головушки душа добрый конь.
Какъ и долго ли въ рѣзвыхъ ногахъ стоять,
Какъ и долго ли желты пески глотать?
Выбилъ яму по колѣно онъ.
Конь мой, конь, товарищъ вѣрный мой!
Ты веселіе мое въ чистомъ полѣ!
Бѣги, мой конь, ты къ моему двору,
Бѣги ты, конь мой, все не стежкой,
Ты не стежкой, не дорожкой;
Бѣги, мой конь, тропинкою,
Ты тропинкою все звѣриною,
Куда травушка ковылушка лежитъ,
Тамъ холодная криниченька бѣжить.
Злодѣй турчинъ не поймаетъ тебя
И татаринъ не осѣдлаетъ тебя.
Прибѣги-жь, конь, къ моему ты ко двору,
Вдарь копытомъ у верейки;
Выдетъ къ тебѣ старая вдова,
Старая вдова, родная мать моя;
Станетъ тебя про сына спрашивать.
«Не убилъ, не утопилъ ли ты его»,
«Въ чистомъ полѣ положилъ-то я его»
Ты скажи: «твой сынъ жениться захотѣлъ,
«Обнимаетъ поле чистое теперь».

Послѣ каждой пѣсни, растроганные старцы съ

чувствомъ восклицали: „Да! заслужили наши казаки Богу, Государю и великому войску Донскому“. Случалось ли въ бесѣдахъ сихъ какая ссора, старики тотчасъ мирили ее, или заставляли обидчика идти поутру въ домъ къ обиженному, чтобы поклономъ въ ноги испросить прощеніе. Вообще все казаки, а особенно жившіе въ верховыхъ станицахъ, поставляли себя въ обязанность мирить всякія ссоры и даже тяжбы. Тамъ атаманъ и старики сами кланялись въ ноги тяжущимся, чтобы они помирились и не ѣздили судиться въ Черкасскъ, гдѣ было главное правленіе. Если враждующіе не соглашались на миръ, то оба въ одномъ каяукѣ (лодкѣ) пускались внизъ по Дону въ главное войско на судъ; но часто на пути, за крѣпительной чарой вина, будто неумышленно заводили между собою разговоръ и забывали о своей враждѣ. Нѣтъ нужды, что назадъ до станицы надлежало тянуться противу воды, иногда верстъ сто и двѣсти: пріятно то, что атаманъ и старики, встрѣчая ихъ, поздравляли съ миромъ.

Въ маѣ *главное войско* разсматривало дѣла станицъ и распредѣляло казаковъ. Для сего атаманъ со всеми старшинами, составлявшими правительство, извѣстное въ народѣ подъ именемъ *всевеликаго войска Донского*, выходилъ за городъ на возвышенныя мѣста, кои не потоплялись бывающими въ семь мѣсяцѣ разливами Дона, и тамъ, разбивъ лагерь, творили судъ. Являлись челобитчики съ просьбами о поновленіи гра-

ницъ, о которыхъ вышелъ между станицами споръ, и сонмъ старѣйшинъ или поручалъ одному изъ среды своей разобрать дѣло на мѣстѣ, или склонялъ тяжущихся къ согласію на *общую правду*, т. е. на рѣшеніе какого-нибудь старожила, который, поклявшись на Евангеліи поступать по совѣсти, долженъ былъ со святою иконою въ рукахъ пройти точно по тѣмъ мѣстамъ, какъ помнилъ онъ прежнюю межу. За симъ подходили изувѣченныя на войнѣ казаки; войско снабжало ихъ отставными листами и награждало достойнѣйшихъ. Выступали частные челобитчики; *всевеликое войско* удовлетворяло каждаго; ни одинъ не отходилъ недовольнымъ. Старѣйшины Дона занимались, такимъ образомъ, дѣлами только до полудня, а остатокъ дня проводили въ забавахъ. Забавы сіи имѣли общій характеръ, свойственный народу воинственному. Иногда располагались въ большииъ кругомъ, посреди лагера: вводили въ кругъ двухъ могучихъ борцовъ, полунагихъ калмыковъ, у которыхъ все тѣло было вымазано жиромъ. Поединчики осматривали другъ друга, сходились, расходились, примѣривались, какъ ловчѣ схватиться, и вдругъ ещѣнулись: руки ихъ скользятъ по тѣлу; борцы упираются ногами въ землю, жмутъ одинъ другого, крутятся, сплетаются ногами, и вотъ сильный размахъ повергаетъ одного на землю; крикъ со всѣхъ сторонъ: *славно! богатырь!* награждаетъ побѣдителя. Побѣдить противника значило повергнуть его лицомъ вверхъ. За симъ собраніе дѣлилось на

ряды, чтобъ стрѣлять въ цѣль изъ ружей и пушекъ; поодаль маневрировали толпы мальчиковъ, заводя противную партію въ засады или стараясь схватить удобный случай для нечаяннаго нападенія; старѣйшины торжественно отдавали первенство той или другой сторонѣ. Непримѣтно вечеръ заставалъ собраніе въ сихъ играхъ.

Случалось ли войсковому атаману обозрѣвать верховья станицы для переписи *малолѣтковъ* (*). онъ назначалъ удобное мѣсто, куда собирались изъ 20, 30 и болѣе станицъ атаманы со стариками и всѣ малолѣтки на лучшихъ коняхъ въ полномъ вооруженіи: съ пиками, длинными ружьями, шашками, боршешами, луками и проч. Обширный лагерь разбивался посреди ровной долины, на которой недѣли по двѣ и по мѣсяцу, въ присутствіи войскового атамана, продолжались военныя игры. Одна толпа юношей пробовала скачкою быстроту лошадей; другая на всемъ скаку стрѣляла въ цѣль; тамъ удалцы, перекинувъ черезъ сѣдло стремяна, стоя неслись во весь опоръ на дикихъ лошадяхъ, отбиваясь шашкою или цѣлясь ружьемъ; либо разославъ на землю бурку и бросивъ на нее плеть, монету и т. п., хватали ихъ на всемъ скаку. Выѣзжали охотники поединчики и, разскакавшись другъ на друга, начинали бой плетями. За симъ отсрывалось новое зрѣлище. Большая часть воиновъ въ полномъ вооруженіи неслись толпою къ рѣкѣ и въ

(*) Десятилетнихъ казаковъ, которые съ сего возраста записывались въ служилые казаки.

всемъ лету, бросившись въ воду, переплывали на другой берегъ. Тѣмъ, которые отличались проворствомъ, легкостію, мѣткостію въ стрѣльбѣ, войсковою атаманъ дарилъ уздечки, приборы къ сѣдлу, оружіе и проч. Эта награда пріобрѣтала имъ уваженіе товарищей. Съ наступленіемъ вечера производились кулачные бои.

Масленица у предковъ нашихъ праздновалась великолѣпнымъ образомъ: цѣлую недѣлю отъ малаго до стараго весь городъ веселился. Кромѣ пріятельскихъ *бесѣдъ* мужчинъ и женщинъ, которые въ эту недѣлю почти въ каждомъ домѣ распѣвали псалмы и богатырскія пѣсни, главное отличіе масленичнаго веселія составляли скачки и палѣба. Приготовленія къ сему начинались почти цѣлымъ мѣсяцемъ ранѣе; во все это время молодежь не выходила изъ конюшенъ, не досыпала ночей, готова добрыхъ коней. Съ наступленіемъ перваго дня масленицы, вооруженные наѣздники со всего города собирались къ назначенному мѣсту, на лучшихъ скакунахъ съ дорогими наборами, всякій съ желаніемъ блеснуть конемъ, сбруею, удалствомъ. Стеченіе было самое многолюдное: сюда выѣзжали и прабабушки наши съ своими красавицами-дочками *въ нарядныхъ юзкахъ съ жаровнями*. На открытомъ мѣстѣ стояла *мишень*—пучекъ камыша, перпендикулярно поставленный, а саженьхъ въ 200 отъ него назначался пунктъ, отъ котораго надлежало скакать. Начиналась скачка: первый несется стрѣлою сѣдой старецъ; бросивъ у самаго пука поводья, прикладывается онъ ко-

всемъ лету, бросившись въ воду, переплывали на другой берегъ. Тѣмъ, которые отличались проворствомъ, легкостію, мѣткостію въ стрѣльбѣ, войсковою атаманъ дарилъ уздечки, приборы къ сѣдлу, оружіе и проч. Эта награда пріобрѣтала имъ уваженіе товарищей. Съ наступленіемъ вечера производились кулачные бои.

Масленица у предковъ нашихъ праздновалась великолѣпнымъ образомъ: цѣлую недѣлю отъ малаго до стараго весь городъ веселился. Кромѣ пріятельскихъ *бесѣдъ* мужчинъ и женщинъ, которые въ эту недѣлю почти въ каждомъ домѣ распѣвали псалмы и богатырскія пѣсни, главное отличіе масленичнаго веселія составляли скачки и палѣба. Приготовленія къ сему начинались почти цѣлымъ мѣсяцемъ ранѣе; во все это время молодежь не выходила изъ конюшенъ, не досыпала ночей, готовя добрыхъ коней. Съ наступленіемъ перваго дня масленицы, вооруженные наѣзники со всего города собирались къ назначенному мѣсту, на лучшихъ скакунахъ съ дорогими наборами, всякій съ желаніемъ блеснуть конемъ, сбруею, удалствомъ. Стеченіе было самое многолюдное: сюда выѣзжали и прабабушки яши съ своими красавицами-дочками *въ нарядныхъ возкахъ съ жаровнями*. На открытомъ мѣстѣ стояла *мишень*—пучекъ камыша, перпендикулярно поставленный, а саженьхъ въ 200 отъ него назначался пунктъ, отъ котораго надлежало скакать. Начиналась скачка: первый несетя стрѣлою сѣдой старецъ; бросивъ у самаго пука поводья, прикладывается онъ ко-

роткимъ своимъ ружьею, и пукъ зажженъ. За нимъ летитъ юноша, который, на всемъ скаку соскочивъ съ лошади и держась одною рукою за гриву, схватываетъ другою изъ-за пояса пистолеть, стрѣляетъ въ пукъ и въ мигъ—на лошади; другіе по слѣдамъ его перепрыгиваютъ черезъ огонь. Иной, притворяясь падающимъ съ несущейся лошади, хватаетъ съ земли монету и бросивъ ее впередъ, ловитъ ее на лету. Такимъ образомъ наѣздничествовали здѣсь донскіе воины, каждый день до вечера, перемѣняя по нѣскольку пуковъ камыша въ день и по нѣскольку коней. Уставъ отъ скачки, старики подѣзжали къ *возкамъ* и изъ рукъ бабушекъ подкрѣпляли себя *сабираломъ* (*), а молодежь украдкою ловила взоры сдѣвниихъ въ возкахъ прелестныхъ затворницъ.

Тогда, какъ здѣсь забавлялись *скачкою на мшень*, въ другомъ мѣстѣ собирались охотники на скачку другого рода, въ которой сильнѣйшая и рѣзвѣйшая лошадь одерживала побѣду. Въ эту-то скачку употреблялись *яровыя* лошади, которыхъ каждый разъ собирали отъ 50 до 100; надлежало пронестись не менѣе 15 верстъ по прямому направленію. Данилъ Ефремовичъ по большей части учреждалъ таковыя скачки отъ *Гиравой* могилы до того мѣста, гдѣ нынѣ Новочеркасскъ; это будетъ болѣе 25 верстъ разстоянія (**).

(*) Подъ именемъ *сабирала* извѣстенъ былъ на Дону лучшій медъ.

(**) Замѣчательнѣйшая скачка на Дону была 5 мая 1805 года, при заложеніи города Новочеркаска, на которой было болѣе 500 лошадей.

Тремъ лучшимъ ѣздокамъ полагались призы: первому— конь со всею сбруею или большая серебряная кружка; второму— нѣсколько аршинъ алаго сукна и парча; третьему— тибеньки, стремена и сафьянъ.

Дѣти заводили свои скачки по улицамъ. Въ городѣ же въ каждомъ домѣ съ ранней зари и до полуночи производилась непрерывная пальба изъ ружей и пистолетовъ. Дѣти стрѣляли изъ маленькихъ пушечекъ; у кого же не было ихъ, тѣ просверливали въ пустыхъ костяхъ затравки или заряжали камышинки. На крыльцахъ домовъ, на улицахъ, на мостахъ, — вездѣ толпы народа, вездѣ пальба; одни больные были прикованы къ своимъ постелямъ, все прочее веселилось.

Въ будни, въ свободное время, казакъ не оставался дома: его неутомимый характеръ требовалъ дѣятельности. На залетномъ конѣ гонялся онъ въ полѣ за дикими козами, оленями, тарканами, сайгами или съ борзыми собаками *полавалъ зайцевъ, дѣсицъ, волковъ*; убить венря или барса было дѣломъ славнымъ. Но у насъ бывали еще особеннаго рода охоты, которыми забавлялъ войско самъ атаманъ. Отличные наѣзники на рѣзвыхъ скакунахъ, собравшись по повѣсткѣ, отправлялись за атаманомъ къ курганамъ *Долухъ братьевъ* (*); отсюда открывается обширное *займище*, которое на тотъ разъ всегда окружалось тысячею казаконъ, нарочно для сего собранныхъ; въ разныхъ мѣстахъ разставлены были тенета. Вотъ тоекратный

(*) Неподалеку отъ Черкаска.

ружейный выстрѣлъ подаетъ знакъ къ началю охоты; раздавшійся со всѣхъ сторонъ громкій крикъ пробуждаетъ *займище*; толпы всадниковъ носятся въ различныхъ направленіяхъ; поднимаются устрашенные звѣри. Здѣсь, видите вы, свирѣпый вепрь, поспѣвая клыками камышь, идетъ на сопротивниковъ; его ждутъ мѣткіе охотники съ винтовками на прикладахъ и, подпустивъ на выстрѣлъ, поражаютъ нѣсколькими пулями; разъяренный звѣрь, означая слѣдъ своей гнѣвою и кровію, устремляется на дымъ, чтобъ отомстить дерзкимъ, или дорого продать жизнь свою; охотники не стороняются, и въ мигъ нѣсколько штукъ повергаютъ его на землю. Тамъ ретивый наѣздникъ, поднимая чоканъ, преслѣдуетъ волка; добрый конь, *попращивая* (*) поводья, не выпускаетъ изъ виду звѣря, который, ощетинивъ шерсть, часто озирается и щелкаетъ зубами, и оба скрываются отъ глазъ. Здѣсь легкая коза, поднимая гордо шею, стрѣлой несется по гладкой равнинѣ, останавливается, манитъ жаднаго охотника, надѣясь на быстрый свой бѣгъ; но подстрекаемый всадникъ припадаетъ къ сѣдлу, гонитъ борзаго коня и, собравъ арканъ, мѣтко бросаетъ его на шею своей добычи. А здѣсь робкій заяцъ, приложивъ на спину уши, мечется во всѣ стороны, ища спасенія: его съ намѣреніемъ пропускаютъ и у самыхъ ногъ атамана ударомъ плети приковываютъ къ землѣ. Въ сихъ охо-

(*) Национальное у казаковъ слово, означающее, что лошадь нетерпѣливо рвется, чтобъ имѣть свободныя поводья.

тахъ молодежь наша научалась имѣть зоркій глазъ, чуткое ухо, смѣлость, отважность. Окончивъ охоту, наѣзники отправлялись къ атаману обѣдать или ужинать; тутъ за стаканами меда всякій рассказывалъ, какъ нагналъ волка на засаду, или подстерегъ лису, кравшуюся ползкомъ въ густоту камыша, или съ концемъ своимъ перепрыгнулъ черезъ опасный оврагъ.

За охотою обыкновенно слѣдовала дружеская *бесѣда*: убившій оленя, венря или козу созывалъ своихъ сосѣдей разѣсть вмѣстѣ звѣря; нынѣ одному удавалась охота, завтра—другому, а послѣ—третьему и такъ далѣе. Бесѣды переходили изъ дома въ домъ; кто не доставалъ дикаго звѣря, тотъ убивалъ что-нибудь изъ домашняго скота, лишь бы не отстать отъ другихъ въ гостепримствѣ. Остатками убитаго звѣря хозяинъ дѣлился съ сосѣдами, ибо продавать съѣстное не было тогда у насъ въ обычаѣ. Прадѣды любили щеголять на званныхъ столахъ, приглашая знакомыхъ на крестины, именины, свадьбы и проч. Здѣсь бѣдный и богатый ставили на столъ непременно полное число блюдъ. Обѣды начинались обыкновенно *круликомъ* (пирогомъ) съ рубленнымъ мясомъ и перепелками; за сѣмъ слѣдовало 8 или 10 холодныхъ: *студень*, *сыкъ* (*), *лизни* (**), приправленные солеными огурцами; полотки изъ поросенка, гуся, индѣйки, всѣ на разныхъ блюдахъ; часть дикой свиньи въ разварѣ, лебедь, соленый

(*) Филейная часть говядины въ разварѣ.

(**) Языки.

журавль и проч.; послѣ холодныхъ подавали горячія также до 10 блюдъ: щи, похлебку изъ курицы, свареной съ сарацынскимъ пшеномъ и изюмомъ; *моркву*, т. е. супъ изъ баранины, приправленный морковью; *шурубарки* (ушки), борщъ со свиной, *дулму*, которой было три рода: изъ капусты съ рубленнымъ мясомъ, изъ огурцовъ и изъ батлажановъ; *лапшу*, супъ изъ дикой утки и проч. Всѣ супы были приправлены лукомъ. Соусы вовсе были исключены изъ нашихъ обѣдовъ, а послѣ суповъ тотчасъ подавали жаркія: гуся, индѣйку, поросенка съ *начинкою*, цѣлаго ягненка съ чеснокомъ, часть дикой козы, дрофу, дикихъ утокъ, куликовъ и другую дичину, все также на особыхъ блюдахъ. Телятины предки наши никогда не ѣли, почитая это за грѣхъ. Въмѣсто пирожнаго подавали: *блинцы*, *лапшевникъ*, *кашникъ*, молочную кашу и, наконецъ, *уре кашу* изъ простого пшена, приправленную *сюзьмою*, т. е. кислымъ молокомъ. Оканчивался жѣ столъ десертомъ изъ свѣжихъ и сухихъ фруктовъ. Чтобы не обидѣть хозяина, всѣ гости должны были непременно отвѣдать каждое блюдо. За всякимъ кушаньемъ пили медъ, а дабы никто не отговаривался и всякій выпивалъ до дна, то съ перваго стабана начинались тосты. Первый — за здравіе Государя. Хозяинъ возглашалъ: „Здравствуй, Царь Государь, въ кременной Москвѣ, а мы, донскіе казаки, на тихомъ Дону“. Потомъ слѣдовалъ тостъ войска Донского: „Здравствуй, войско Донское, съ верху до низу, съ низу

до верху". Потомъ или здоровье атамана, всѣхъ гостей и проч. Десертъ нашъ, по изобилію и вкусу фруктовъ, могъ почитаться отличнымъ: персики, абрикосы, виноградъ, разные роды вишенъ, грушъ, бергамотъ, яблоковъ и *дули* (груши), извѣстныя подъ именемъ персидскихъ. Сказываютъ, будто Императоръ Петръ I, находясь въ персидскомъ походѣ, далъ бывшему при немъ казаку сѣмя таковой дули, которую самъ кушалъ, сказавши: „Когда воротитшься домой, посади это сѣмя и разведешь себѣ хорошія груши“. Казакъ исполнилъ это, и плоды сіи донынѣ сохранились въ садахъ нашихъ.

При Ефремовѣ завелись на Дону экипажи. Въ старину казаки всегда ѣздили верхомъ; сѣсть въ рыдванъ почиталось неприличнымъ; однѣ только женщины употребляли простыя таратайки, покрытыя узорчатымъ войлокомъ. Въ повозки сіи дозволено было запрягать только самыхъ дурныхъ лошадей, калѣкъ и вообще такихъ, кои неспособны были къ верховой ѣздѣ: казаки думали, что достоинство лошади оскорбляется упряжью. Первый рыдванъ появился въ домѣ атамана Данилы Ефремовича безъ рессоръ, на ремняхъ, усеянный мѣдными гвоздями съ большими головками. Экипажъ сей новостію своею такъ удивлялъ тогда всѣхъ жителей, что когда атаманша ѣздила въ немъ по городу, то народъ выбѣгалъ на улицы и къ окнамъ домовъ, крича: *сама идетъ*. Въ подражаніе Ефремовымъ, завелись экипажи въ домахъ Поздѣва,

Мартынова, Луковкина. Векорѣ показалась у Ефремовыхъ и коляска тогдашняго фасона, а для зимы—возокъ, расписанный яркими красками, обшитый войлоками, цвѣтною шелковою матеріею и бархатомъ, со стеклами и съ жаровнею по серединѣ. Хотите ли имѣть понятіе о тогдашнемъ донскомъ экипажѣ? Онъ запряженъ турецкими лошаками или изувѣченными лошадьми. Калмыкъ занимаетъ мѣсто кучера; дородная дѣвушка или женщина на запяткахъ вмѣсто слуги. Въ то время крестьянъ на Дону еще не было, а казакъ ни за что въ мѣрѣ не согласился бы поѣхать съ женщинами. Это почиталось такимъ безчестьемъ, котораго ничѣмъ нельзя было загладить. Старшина Павелъ Фомичъ Кирсановъ (*) уже въ послѣдней половинѣ минувшаго столѣтія первый выѣхалъ въ саняхъ на бѣгунѣ съ пристяжными, что изумило весь городъ. Спустя нѣкоторое время старшина Дмитрій Мартыновичъ Мартыновъ показался въ одноколкѣ на гордомъ конѣ.

Старшины обращались съ казаками чрезвычайно просто и совершенно братски. Даже и тогда, когда званіе войскового атамана сдѣлалось не избирательнымъ и власть его въ народѣ была весьма значительна, прежнее обхожденіе не измѣнилось. Данила Ефремовичъ Ефремовъ, бывшій генераль-маіоромъ и послѣ тайнымъ совѣтникомъ, никогда не чуждался *бесѣды* казачьихъ. Къ нему всякій приходилъ какъ къ своему

(*) Почтенному сыну его обязанъ я многими любозытными свѣдѣніями о донской старинѣ и симъ изъявляю мою признательность.

товарищу и запросто говорилъ ему *ты*. Много забавныхъ анекдотовъ можно слышать о подобной простотѣ; такъ наприимѣръ, однажды казакъ, донося Ефремову, что войсковые плоты понали на мель, заключилъ рѣчь свою со всѣмъ добродушіемъ: *хоть тресни, Данила Ефремовичъ, не стащитъ*. Въ Рождество старики разными компаніями, не исключая и лучшихъ старшинъ, ходили изъ дома въ домъ *Христа славитъ*, начиная обыкновенно отъ войскового атамана. Самъ атаманъ, приставалъ въ компаніи старшинъ и вмѣстѣ съ ними ходилъ по всѣмъ жителямъ города. Во всякомъ домѣ пѣли они *Христось рождается*, за что хозяинъ обязанъ былъ заплатить имъ. Собранныя такимъ образомъ деньги иные отдавали на соборъ, другіе покупали на нихъ медъ для бесѣдъ своихъ.

Свадебные обряды.

Изъ частной жизни донцовъ вы видѣли, что воспитаніе и образъ жизни дѣвицъ и молодыхъ людей на Дону не благопріятствовали ихъ знакомству; мужчины могли видѣть дѣвушекъ только въ хороводахъ, иногда на гуляньяхъ, на свадьбахъ или на крыльцахъ теремовъ; но всегда вмѣстѣ съ нянюшками или пожилыми родственницами. Иной дѣвицѣ до самаго замужства не удавалось сказать трехъ словъ чужому мужчинѣ. Старые донцы находили грѣхъ въ томъ, когда холостой мужчина свободно разговаривалъ съ дѣвушкою. — „Не гляди въ глаза мужчинѣ“, твердила бабушка своей внучкѣ, — „Богъ не дастъ счастья“. И внучка должна была отворачиваться или потуплять глаза въ присутствіи мужчинѣ. Думать нельзя, чтобы украдкою красавицы не заглядывались на стройныхъ юношей; чтобы мужчина, которому уже намекали о женитьбѣ, не назначалъ въ умѣ своемъ той или другой себѣ въ жены; но рѣдкій донецъ женился по собственному выбору: большею частию родители назначали ему невѣсту. Почтеніе и послушаніе къ старшимъ всегда составляло у насъ главнѣйшую часть нравственнаго воспитанія; не было примѣра неповиновенія родителямъ. — „Сынокъ, тебѣ время жениться“, говорилъ отецъ: „мы съ матерью выбрали тебѣ невѣсту; она умѣетъ хозяйни-

чать, изъ хорошаго дому и *чиберка*“, прибавляла мать. — „Воля ваша“, отвѣчаль сынъ, и поклонъ въ ноги. Даже въ такомъ случаѣ, когда самому жениху давалась воля избирать себѣ подругу, вліяніе родителей всегда почти располагало его выборомъ; надобно было, чтобы невѣста имъ также нравилась, какъ жениху.

Дѣло начиналось смотромъ невѣсты. Женихъ съ однимъ или двумя пожилыми родственниками отправлялся, по большей части вечеромъ, въ домъ невѣсты, гдѣ принимали ихъ ея родители. Гости заводили разговоръ о дочери хозяина, хвалили ея красоту, умъ, называли ее доброю хозяйкою и просили, чтобъ она имъ *поднесла*: по зову матери, красавица являлась, одѣтая по домашнему, держа въ рукахъ подносъ съ кубками вина и, разнесши, отходила къ сторонѣ, смиренно ожидая, пока гости выпьютъ.

Разумѣется, старики съ умысломъ медлили, чтобы дать жениху время всмотрѣться въ невѣсту, и между тѣмъ хвалили вино и *поднощицу*. Принявъ бокалы, она удалялась, а вслѣдъ за нею — гости, которые не переставали хвалить дочку, оканчивая: „Богъ дастъ, она и насъ полюбитъ“. Симвъ заключалось первое посѣщеніе жениха, и хотя не объявляли прямо о его намѣреніи, но самый приходъ его уже объяснял все.

Черезъ нѣсколько дней послѣ смотра, присылались со стороны жениха *сваты*, одинъ или два чело-вѣка изъ родственниковъ или постороннихъ. Выбирали для сего людей опытныхъ, которые славились умѣньемъ

высватать и могли насчитать до сотни соединенных ими паръ. Случалось иногда, что дурной выборъ сватовъ ставили жениху въ укоризну и единственно потому отказывали ему въ невѣстѣ; объясняться же самимъ родителямъ жениха и невѣсты на счетъ своихъ дѣтей почиталось неприличнымъ. Сваты начинали дѣло просто: „такой-то и такая-та хотять вступить съ вами въ родство“ и, разумѣется, осыпали поклонами жениха и его семейство. Если имъ отвѣчали благодарностию за доброе мнѣніе о дочери, но отговаривались, что не могутъ выдать ее по неимѣнію всего нужнаго для свадьбы, то это означало отказъ. Въ случаѣ согласія, невѣстинъ отецъ просилъ дать ему время посоветоваться съ роднею и назначалъ день, въ который сватамъ надлежало притти за отвѣгомъ. Невѣста въ семъ случаѣ не имѣла голоса; ей правилось или должно было нравиться все, что было угодно батюшкѣ и матушкѣ. Сваты, выходя изъ комнаты, старались непременно прикоснуться рукою къ печи, приговаривая: „Какъ эта печь не сходить съ своего мѣста, такъ бы и отъ насъ не отошла наша невѣста“. Искуснѣйшіе въ сватовствѣ не ограничивались однимъ этимъ и дѣлали много другихъ причудъ, толкуя, что онѣ помогаютъ уещѣху.

Въ назначенный день поутру являлись тѣ же сваты, вынимали изъ-за пазухи кусокъ чернаго хлѣба, посыпаннаго солью, клали на столъ, говоря хозяйевамъ: „Отецъ и мать такого-то кланяются и просятъ при-

нять хлѣбъ-соль“. Хозяйка вмѣсто отвѣта цѣловали гостиницею. Сватовство, разумѣется, оканчивалось согласіемъ. Сваты требовали, въ знакъ онаго, руки. — „Дай, Богъ, въ добрый часъ“, говорилъ отецъ, осѣнялъ себя крестомъ и, обернувъ полою своего платья руку, подавалъ ее сватамъ. Мать клала земные поклоны и, повторяя: „въ добрый часъ“, подавала и свою руку. Это называлось у насъ *взять руку*. Подать или взять руку, не завернувъ ее въ полу платья, почиталось дурнымъ предзнаменованіемъ. Въ старину донцы думали, что голая рука есть символъ бѣдности. Въ заключеніе невѣста подносила по стакану меду сватамъ, которые и поздравляли ее съ женихомъ.

По большей части въ этотъ же вечеръ дѣлалось *рукобитіе*. Женихъ съ отцомъ, матерью и родными приходилъ къ своей суженой, въ домъ которой собирались ея ближніе родственники. Тамъ встрѣчали жениха поздравленіемъ съ невѣстою, а онъ отвѣчалъ поклономъ въ ноги будущему своему тестю и тещѣ и становился у порога. Родители двухъ сторонъ, въ знакъ союза, давали другъ другу *руки*, называли одинъ другаго: *сватушка* и *свашенька* и дѣлали *зарядъ* на случай отказа какой-либо стороны отъ брака.

О приданомъ тогдашніе казаки вовсе не знали: никогда не женили дѣтей по расчету и для того при сватовствѣ даже не намекали о томъ, опасаясь унижить чистоту брака примѣлю къ оному какой-либо корысти. Окончивъ все условія, свать, который игралъ

здѣсь роль церемоніймейстера, выводилъ жениха на средину комнаты; невѣсту ставили подлѣ, но лѣвой стороны; подносили имъ по рюмкѣ вина или меду, и молодые, выпивъ, цѣловали другъ друга. Сей первый поцѣлуй уже связывалъ ихъ на всегда; родители соединяли имъ руки, приговаривая: „Дочь! вотъ тебѣ женихъ, а тебѣ, мой сынъ, невѣста; да благословить Господь Богъ союзъ вашъ“. Иногда при семъ случаѣ, невѣста и женихъ дарили другъ друга. Между тѣмъ выносили огромный серебряный подносъ, уставленный серебряными съ чернью стаканами, полными пѣнистаго меду или вина; женихъ, а послѣ него невѣста обносили всѣхъ гостей, которые, выпивъ до дна, приветствовали ихъ желаніемъ *совершить начатое дѣло*. Симъ оканчивалось *рукобитье*, которое на Дону означало то же, что въ Россіи *помолвка*. Когда соединяли руки новой четъ, женщины пѣли двѣ пѣсни: *Ой, зайushка, горностай молодой* и *Перепелушка, рябья перушки*, первую для жениха, вторую для невѣсты, повторяя оныя во весь вечеръ.

Совершивъ *рукобитье*, старики удалялись въ другую комнату запивать радостное начало дѣла, а жениха и невѣсту оставляли однихъ съ молодыми, чтобъ ознакомиться и повеселиться. На *рукобитье* обыкновенно гости не оставались долго; назначали день для *сговора* и расходились. Женщины, проходя по улицамъ, непремѣнно пѣли *зайushку* и *перепелушку*, чтобы извѣстить жителей о происходившемъ.

Сговоръ былъ гораздо торжественнѣе *рукобитья*. Въ назначенный день двѣ *позыватя* со стороны жениха и двѣ со стороны невесты съ самаго утра ѣздили изъ дома въ домъ съ приглашеніями къ роднымъ и всѣмъ знакомымъ. Въ *позыватя* обыкновенно избирались молодая женщины, которыя умѣли *хорошо упрашивать*, были веселы, развязны, разговорчивы. Въ каждомъ домѣ онѣ должны были *сказать поклонъ отъ отца и матери и просить на сговоръ*, непременно прибавляя: „*да пожалуйста же, мои родственникіе*; въ каждомъ домѣ ихъ угощали сладкимъ винцомъ и также *просили непременно выпить*, такъ что не рѣдко онѣ возвращались домой очень навеселѣ. Вечеру, обыкновенно къ 6-ти и 7-ми часамъ, собирались въ домъ невесты, собственно къ ней—дѣвицы, а къ ея родителямъ—замужнія женщины и мужчины. Дѣвушки помѣщались въ особой комнатѣ; всѣ прочіе гости, которыхъ всегда называли *стариками*,—въ залѣ, посреди коей былъ раскинутъ большой столъ, покрытый скатертью; угловой столикъ, былъ уставленъ пряниками, орѣхами, сахарными закусками и *съмечками*. Все собраніе садилось, въ ожиданіи жениха.

Въ его домѣ собирались его знакомые; здѣсь приготавливали 10 или 20 и болѣе блюдъ съ кренделями, пряниками, орѣхами, винными ягодами, финиками и всякими сластями да нѣсколько дюжинъ бутылокъ лучшаго меду и вина. Всѣ гости отправлялись съ сею хлѣбомъ-солью въ торжество въ домъ невесты: впер-

ди несли блюда, за ними шли женатые мужчины, потомъ замужня женщины и, наконецъ, женихъ съ молодежью. Хозяинъ и хозяйка встрѣчали ихъ на крыльцѣ, вводили въ залу и сажали сватушку, свашеньку и родню ихъ въ первыя мѣста; женихъ съ товарищами становился у порога; принесенными блюдами и напитками уставляли раскинутый по срединѣ столъ, чтобы все видѣли обильную хлѣбъ-соль. Отецъ невѣстинъ, потомъ мать обносили всемъ гостямъ по стакану. За симъ сваты требовали, чтобъ юная чета въ виду всего собранія *была сговорена*. Жениха и невѣсту ставили посреди залы и повторяли тотъ же обрядъ, который наблюдался при рукобитѣ: родственники жениха и невѣсты, поздравляя, дарили другъ друга. Свекоръ и свекровь въ семь случаевъ должны были превзойти всехъ щедростію. Сговоръ оканчивался тѣмъ, что женихъ и невѣста подносили всемъ гостямъ вино или медъ и принимали отъ всехъ по поцѣлую.

Отъ послѣдняго гостя невѣста убѣгала въ другую комнату къ дѣвушкамъ, стараясь, чтобъ женихъ не успѣлъ ее упредить, и помѣщалась между своими подругами, кои сажались, сколько можно тѣснѣе, дабы не дать мѣста жениху. Это было ему наказаніе, зачѣмъ выпустилъ изъ рукъ невѣсту. Женихъ, опоздавшій занять мѣсто возлѣ своей суженой, долженъ былъ купить его у ея сосѣдокъ. Ничинался торгъ: женихъ набавлялъ цѣну понемногу; дѣвицы не уступали ничего, говоря, что *ихъ невѣста золотая и недешево*

ему достанется. Этотъ торгъ забавлялъ всѣхъ: *старик* оставляли свои стаканы и торопились изъ залы, чтобъ посмотрѣть на молодыхъ проказницъ; ихъ шутки приводили въ смятеніе жениха и часто заставляли его соглашаться на все, чтобъ получить мѣсто подлѣ невѣсты. Молодежь не отставала отъ жениха; но ей нельзя было садиться между дѣвицами, а надлежало помѣщаться въ особомъ углу или стоять у порога; только къ родственницамъ можно было подходить и вступать съ ними въ разговоръ, не нарушая благопристойности. Полчаса, часъ и болѣе продолжалась тишина: молодежь въ своемъ углу шептала; черноокія красавицы неподвижно сидѣли на своихъ мѣстахъ, не смѣя посмотрѣть въ сторону и только изрѣдка поглядывая на свой нарядъ и поправляя полы алыхъ или малиновыхъ кубилековъ и платки на шеяхъ, голубые съ бѣлыми каймами или алые съ зелеными. Всякая щеголиха старалась выказать при семъ случаѣ свои жемчуги, золотыя серьги, чикилики.

Отъ привычки ли, или отъ того, что въ нашихъ обществахъ тогда не знали еще нынѣшнихъ свѣтскихъ приличій, никто не скучалъ общимъ молчаніемъ. Мало по малу хозяйка, или кто-нибудь изъ ея родственницъ заводила игры: въ *короли*, въ *кончики* (*) и

(*) Въ *кончики* обыкновенно играютъ четверо—двое мужчинъ и двѣ дѣвицы: одинъ изъ играющихъ, сложивъ вмѣстѣ концы карманнаго платка, подноситъ оные прочимъ; каждый выбираетъ для себя любой и развертываютъ платокъ: тѣ, конхъ концы придутся на-крестъ, должны цѣловать другъ друга.

т. п. Общество оживлялось: смѣялись, шутили, рѣзвились. Въ нѣкоторыхъ домахъ танцевали подѣ балалайку, а послѣ—подѣ звуки оркестра, состоявшаго изъ двухъ скрипокъ, дудочки, цымбаловъ и баса и привезеннаго на Донѣ малороссіяниномъ Марковичемъ. Сначала *казачекъ* и *журавель* были у насъ единственными танцами; потомъ введены: *барыня*, какъ у нашихъ у воротъ и *хлопушка*. Мужчины танцевали отлично; напротивъ того, женщины вовсе не обращали вниманія на танцы; всякая ходила или прыгала, какъ умѣла, и наши прелестныя, не смотря на свою неловкость въ семь дѣлѣ, умѣли привлекать взоры и сердца. *Журавель*, *барыня* и *у воротъ* танцевались въ четыре пары на подобіе кадрили, только безъ вальса; дѣлали однакожь круги, шевъ, кресты; противостоящія пары сходились, расходились и кружились, перемѣняя дамъ. Въ *хлопушкѣ* становились въ два ряда, какъ въ экосезѣ. Не скоро привыкли дѣвицы танцевать въ обществѣ. Въ кругу подругъ своихъ онѣ любили это невинное увеселеніе; но здѣсь—какъ рѣшиться стать рядомъ съ мужчиною, дать ему свою руку, кружиться съ нимъ? Почти всегда при началѣ бала, лишь только мужчина подходилъ къ ней, она наклоняла голову и закрывала лицо руками или платкомъ, такъ что хозяйка принуждена была насильно увлечь ее съ мѣста и поставить въ пару. Невѣста въ сей вечеръ должна была перемѣнить два или три нарядныя платья, показывая тѣмъ свой избытокъ.

Но что дѣлали *старики*? У нихъ было свое веселье. Какъ скоро женихъ получалъ мѣсто возлѣ своей невѣсты, родители его просили сватушку, свашеньку и всѣхъ гостей къ себѣ въ домъ *смотреть печи*, какъ они говорили; тамъ посреди залы накрытъ былъ столъ. Всѣ гости сѣдѣли ужинать. Хозяева, стараясь отличатся изобиліемъ, подавали блюды тридцать и болѣе; за каждымъ пили вино и медъ и, чтобы не было отговорокъ, ко всякому стакану придумывали тостъ. Начинали обыкновенно здоровьемъ сватушки, потомъ свашеньки, будущей четы, всѣхъ гостей порознь и, наконецъ, пили за упокой умершихъ родственниковъ. Во время десерта веселые гости пѣли пѣсни, сначала *богатырскія*, потомъ плясовыя: *а кто въ моемъ во садуку; ахъ, матушка, жениха; утушка луговая; тутъ была перепелочка* и проч. Женщины пускались въ пляску, двигаясь вокругъ стола и стуча въ ладъ каблуками туфлей. Пиръ продолжался за полночь; женщины, уходя, пѣли по улицамъ, чтобы во всѣхъ концахъ города узнавали о бывшемъ сговорѣ.

Женихъ долженъ былъ платить за всѣ издержки сего вечера, даже въ домѣ невѣсты. Послѣ *слова* родственницы невѣсты оставались при ней безотлучно до самой свадьбы и шили для нея приданое. Если бы какую вещь вздумали отдать въ постороннія руки за деньги, то это ставилось въ укоризну *чиберкамъ*. Женихъ съ друзьями бывалъ у невѣсты каждый вечеръ и имѣлъ право оставаться въ ея домѣ но-

чевать. Невинная молодость рѣзвилась въ этомъ обществѣ: проведя весь день за работой, дѣвицы ввечеру съ нетерпѣніемъ ждали жениха, который, являсь съ узломъ закусокъ, приносилъ съ собою веселіе. До полуночи и далѣе продолжались игры: жмурки, четки, короли, кончики и проч.

За два дня до свадьбы смотрѣли приданое или праздновали *подушки*; наканунѣ—*дѣвичникъ*.

Первыя происходили такимъ образомъ: ввечеру собирались въ домъ невесты знакомыя дѣвицы и женихъ съ молодежью. Изъ пожилыхъ мужчинъ и женщинъ участвовали здѣсь одни только родные. Сперва гости, одинъ послѣ другого, входили въ комнату, гдѣ находилось приданое невесты—богатая постель и множество платья въ сундукахъ; *чиберки* предлагали имъ *садиться на подушки*. Женихъ съ невестою сядилъ первые; тутъ швецъ подносилъ жениху стаканъ меду, который онъ выпивалъ въ нѣсколько пріемовъ, за каждымъ цѣлуя свою возлюбленную и приговаривая: *медъ горекъ, надобно подсластить*. Осушивъ бокаль, онъ клалъ *чиберкамъ* деньги на поднось. Потомъ *садилась* вся молодежь, одинъ послѣ другого; каждый просилъ къ себѣ въ сосѣдки изъ присутствовавшихъ дѣвицъ ту, которая ему нравилась, также шилъ медъ, цѣловалъ красавицу, сколько хотѣлъ, и платилъ поднощицамъ деньги. Отпустивъ отъ себя выбранную, могъ онъ просить садиться другую, третью и такъ далѣе. За всякимъ разомъ, когда мужчина

оканчивалъ бокаль, поднощицы бросали въ сидящую пару подушками, приговаривая: „*раса сага басенъ* (*)“.

При всей застѣнчивости нашихъ красавицъ, ни одна не могла совершенно отказаться отъ *сидѣнія на подушкахъ*; но всякая или почти всякая непремѣнно отговаривалась нѣкоторое время изъ стыдливости и, наконецъ, какъ будто уступала принужденію. Изъ всѣхъ нашихъ общественныхъ собраній на одномъ только этомъ дозволялась мужчинамъ нѣкоторая свобода въ обращеніи съ дѣвушками. Такимъ образомъ, до полуночи и позже продолжали *сидѣться на подушки*. Иногда бывала здѣсь и музыка; но она не препятствовала сидѣнью: пока одни танцевали въ залѣ, другіе не переставали срывать жаркіе поцѣлуи съ свѣжихъ дѣвственныхъ устъ.

Дѣвичникъ былъ для невѣсты послѣднимъ праздникомъ въ ея дѣвическомъ состояніи. Доселѣ она невинно предавалась движеніямъ душевой радости, воображая будущее счастье. Наконецъ, наступилъ тотъ день, который издали казался ей столь благопріятнымъ, и душа ея невольно трепетала при мысли, что завтра она должна оставить семью свою, въ которой образовались ея склонности и привычки, гдѣ она умѣла быть любимой дочерью; завтра должна она вступить въ кругъ новыхъ людей, должна принять на себя обязанности, ей мало извѣстныя. Невольная грусть появлялась на свѣтломъ лицѣ неопытной дѣвы. Не-

(*) По-татарски: и вамъ того желаемъ.

вѣста наканунѣ свадьбы плакала во весь день. Вечеру, передъ захожденіемъ солнца, одна съ нянюшкою ходила она на могилы своихъ предковъ; здѣсь въ безмолвіи гробовъ, прицавъ къ землѣ, со слезами призывала усопшихъ родныхъ въ свидѣтельство клятвы, которую завтра произнесетъ предъ алтаремъ Всевышняго; просила отъ нихъ себѣ благословенія, представительства ихъ у престола Небеснаго Отца, да благословитъ Онъ новое поприще ея жизни.

Между тѣмъ невѣстину позыватые звали родственникововъ ея и знакомыхъ мужчинъ и женщинъ на вечеръ *наволакивать подушки* и на другой день — на *выданье невѣсты*. Со стороны жениха *свахи* и *дружка* просили гостей къ нему *каравай сажать* и на завтра — *острѣтить новобрачныхъ*.

У жениха съ самаго утра начинали готовить каравай. Когда сажали большой каравай въ печь, все собраніе держалось за лопатку; дружка и свахи освѣщали печь, и свѣчи ихъ, обвитыя лентами, на другой день вручались жениху и невѣстѣ для зажженія предъ алтаремъ.

Вечеру всѣ гости жениха, набравъ караваевъ, отправлялись въ домъ невѣсты. Здѣсь грустная дѣва въ слезахъ сидѣла посреди подругъ своихъ въ той же убранной комнатѣ, имѣя на головѣ уже не платокъ и не *челоуи*, но высокую шапку изъ черныхъ смушекъ съ краснымъ бархатнымъ или парчевымъ верхомъ, украшенную цвѣтами и перьями; въ косѣ — золо-

той косиць. Подруги напѣвали ей жалобныя пѣсни о разлукѣ съ родными и предстоящей перемѣнѣ жизни. Старики въ другой комнатѣ изрѣдка опоражнивали бокалы, въ ожиданіи жениха. Съ его приходомъ пѣсни замолкали, и молодые *садились* опять попарно *на подушки*, какъ наканунѣ. За симъ всѣ гости шли къ столу, послѣ котораго женщины входили въ комнату съ приданымъ и, припѣвая: „*сестрицы-подружки, несите подушки*“ и проч., разбирали постель и другія легкія вещи изъ приданого и всѣмъ обществомъ отправлялись къ жениху.

Съ наступленіемъ дня свадьбы (это бывало всегда въ воскресенье), въ домахъ жениха и невесты все было въ движеніи. Дѣвицы убирали невесту въ брачную одежду: богатый парчевой кубилекъ и такую же рубаху; на голову надѣвали ту самую шапку, которую она имѣла на *дѣвичникѣ*, и косу заплели *по-дѣвичьи*; самыя лучшія украшенія изъ жемчуга и золота блистали на ней. Съ благовѣстомъ къ обѣднѣ, отецъ и мать благословляли святою иконою невесту, которая, положивъ передъ иконою три земныхъ поклона, цѣловала святой ликъ, кланяясь въ ноги плачущимъ отцу и матери, и прощалась со всѣми родными и домашними, сама заливаясь слезами. Между тѣмъ женихъ, получивъ отъ своихъ родителей благословеніе, отправлялся къ невестѣ: впереди шель священникъ со крестомъ; потомъ мальчики несли благословенные образы съ *пеленами*; за ними—женихъ между дружкойю

и свахами въ парчевомъ кафтанѣ, въ алой суконной черкескѣ, обшитой серебряными позументами, въ красныхъ сайогахъ, шитыхъ золотомъ, держа подъ рукою высокую шанку изъ сѣрыхъ смушекъ съ краснымъ бархатнымъ верхомъ. Рядомъ съ нимъ *храбрый поюздъ*, или *поюзжанье*, т. е. холостые друзья жениха, отдающіе ему послѣдній *молодеческій* долгъ; они сопровождали ему къ невѣстѣ, въ церковь и назадъ домой, иногда верхомъ на борзыхъ коняхъ въ серебряномъ уборѣ. Впереди или подлѣ жениха шель *вѣдунъ* (сбережатель), котораго дружка обязанъ былъ пріискать заблаговременно и который не отлучался отъ жениха до окончанія брака, наблюдая, чтобы на порогахъ и притолкахъ, гдѣ ему надлежало проходить, не было чародѣйства, и чтобы въ пищу и питье не примѣшалъ кто *порчи*. Обыкновеніе наряжать жениха и невѣсту въ богатые платья было всеобщее; брачная одежда сохранялась въ семействахъ, какъ иѣчто священное, и переходила къ потомству. Не рѣдко видали внука и правнука передъ брачнымъ алтаремъ въ дѣдовскомъ вѣнчальномъ кафтанѣ. Во многихъ станицахъ, гдѣ въ старину вовсе не умѣли или не любили наряжаться, было по одному общественному вѣнчальному платью: краснаго сукна чекмень, цвѣтной кафтанъ и красные или желтые сапоги; всѣ жители той станицы вѣнчались въ этомъ платьѣ, возвращая оное по совершеніи брака въ станичную избу.

Женихъ находилъ невѣсту уже на *посадѣ*, въ

переднемъ мѣстѣ подѣ *святыми*. Подлѣ нея—одинъ или два мальчика, братья ея съ *державою*, т. е. съ простою или шелковою плеткою, шитою золотомъ и убранныю серебряными бляшками и шнурами. Малютки, грозя плетью, не допускали жениха къ невѣстѣ; дружка долженъ былъ купить *у нихъ мѣсто*. Отсюда юная чета въ большомъ торжествѣ отиравалась въ церковь. Въ церковномъ притворѣ приготавлили невѣсту къ вѣнцу: снимали шапку, расплетали косу, раздѣляли на-двое длинные волосы. По окончаніи духовнаго обряда, у новобрачной заплетали косу уже *поженски* на-двое, обвивали ими голову, надѣвали ей соболью шапку или *новойникъ* и прежнимъ порядкомъ все отправлялись въ домъ жениха. Тутъ на крыльцѣ встрѣчали *молодыхъ* родители съ хлѣбомъ и солью, подѣ которою вся процессія должна была пройти; когда проходили *молодые*, сыпали на нихъ пше-ницу или другія хлѣбныя зерна, перемѣшанныя съ хмѣлемъ, орѣхами, пряниками, мелкою монетою и проч., дабы новая чета жила въ избыткѣ и счастіи. Угостивъ свиту молодыхъ, отводили послѣднихъ на брачное ложе. Нѣкогда существовалъ у насъ обычай, что новая супруга должна была разуть мужа своего, который въ правомъ сапогѣ имѣлъ плетку и при снятіи онаго ласково, не говоря ни слова, грозилъ ею своею любезной.

Между тѣмъ званые гости собирались къ обѣду, въ которомъ хозяйка старалась блеснуть числомъ блюдъ

и изобиліемъ. Пили тосты Царя, атамана съ войскомъ Донскимъ, *молодого князя съ княгинею*, ихъ родителей и каждаго гостя порознь, а потомъ, по обыкновению, доходило дѣло и до покойниковъ. Передъ жаркимъ *поднимали молодыхъ*; обрядъ установленъ для женской непорочности, который въ то время соблюдался у насъ такъ строго, что когда подавали первое жаркое, то все общество требовало, чтобъ имъ показали *честь новобрачной*, а безъ того не разрѣзывали жаркого. Въ знакъ радости о добромъ имени молодой, дружкѣ навязывали на руки платки, а свахъ окутывали разными матеріями крестообразно черезъ плечи, и все гости приказывали къ головному убору или къ груди кисточки свѣжей калины, какъ символъ невинности. Дружки и сваха, которые по большей части не сажались за столъ, а ходили кругомъ гостей, прося покушать и наблюдая, чтобы задравные бокалы осушались до дна, начинали пѣть свадебныя пѣсни, прославляющія честь *молодой*; потомъ тотчасъ отправлялись, какъ были въ *перевязкахъ*, къ родителямъ новобрачной съ извѣстіемъ о торжествѣ дочерней чести и съ приглашеніемъ на общій пиръ и *веселіе*.

И здѣсь также перевязывали ихъ матеріями и платками. Однакожъ не долго сохранялся у насъ сей обычай: скоро стали приглашать родителей *молодой* прямо къ столу и въ ихъ присутствіи *поднимали молодого князя съ княгинею*.

Коль скоро унесли столы, вводили въ собраніе

молодыхъ; впереди дружка несъ на блюдѣ, покрытомъ шелковымъ или парчевымъ платкомъ, изрѣзанный кусками большой каравай, котораго каждая частичка была украшена серебрянымъ лебедемъ или золоченою сосенкою, и на каждой положено было понемногу сыру; за нимъ сваха вела за руки *молодого князя и княгиню*. Сотворивъ молитву, дружка открывалъ каравай, разносилъ оный по порядку гостямъ, прося именемъ молодого князя и княгини, *сыръ-каравай принимать и молодыхъ надѣлять*, а молодые вслѣдъ за нимъ подчивали ихъ виномъ и медомъ. Каждый изъ гостей, принявъ частичку каравая и бокаль, обнималъ новобрачныхъ, поздравлялъ ихъ, изъявляя различныя желанія и дѣлалъ имъ какой-нибудь подарокъ. Дарили новобрачнымъ табуны, куски богатыхъ матерій, которыя вѣшали молодой на плечо, дорогія вещи, оружіе, деньги. Если тестъ хотѣлъ одолжить зятя, то отдавалъ ему своего залетнаго скакуна съ сѣдломъ и ронзыкомъ. Объ этихъ подаркахъ говорилъ цѣлый городъ; рассказывали, такой-то *положилъ на каравай* табунъ, такой-то — 500 овецъ, тотъ — домъ съ садомъ, отецъ *покрылъ молодую* парчею, мать *робраномъ*. Родители *молодой* также получали въ это время подарки отъ сватовъ своихъ: отецъ сукно, а мать бархатъ или парчу; всѣмъ прочимъ гостямъ дарили: мужчинамъ сафьяны или платки, а женщинамъ — красныя туфли. Остальную часть дня проводили въ самомъ шумномъ пированьи: подносили вино гостямъ то старшій сынъ

хозяина, уже славный на поприщѣ военномъ, то малютка-внучъ, то дочь-красавица, изъ жалованнаго царскаго ковша, или изъ завѣтнаго дѣдовскаго бокала, или изъ прадѣдовской чары, добычи азовскихъ походовъ. Завистливое время бѣжало для нихъ быстро: разсвѣтъ другого дня начинался прежде, нежели веселая бесѣда успѣвала окончить нѣсколько разъ повторяемые тосты въ честь живыхъ и усопшихъ. Никто или почти никто не выпивалъ своего бокала, не излививъ громогласно желанія въ пользу того, чье здоровье онъ пилъ. Для разныхъ случаевъ были различныя поздравленія: „*Желаю здравствовать князю молодому съ княгиней*“, говорилъ трепещущимъ голосомъ старый воинъ, кланяясь на всѣ стороны; „князю отцу, матери, дружбу съ свахами и всѣмъ любящимъ гостямъ или *всей честной компаніи* на бесѣдѣ, не всѣмъ поименно, но всѣмъ поравенно; что задумали, загадали, — опредѣли, Господи, талантъ и счастье; слышанное видѣть, желанное получить, въ чести и радости нерушимо“. Собраніе отвѣчало ему: „опредѣли, Господи“!

На другой день поутру мать *молодой* прислала новобрачнымъ супъ изъ курицы съ изюмомъ и кореньями и такъ называемое *вареное*, приготовленное изъ вина съ сахаромъ и ароматными веществами. Блюда сіи носили няня молодой и бывшія ея прислужницы; всѣ онѣ были перевязаны штуками матерій, и одна въ карикатурномъ нарядѣ; проходя по ули-

цать, онѣ немолжно пѣли свадебныя пѣсни, часто останавливаясь, чтобъ поплясать и привлечь вниманіе народа. Угощенія продолжались цѣлую недѣлю: участвовавшіе въ брачной церемоніи, переходя изъ дома въ домъ къ каждому изъ гостей по-очередно, пировали до самаго *нелзя*.

Наконецъ, назначались такъ называемые *отводы*. Родители *молодой* давали у себя для всѣхъ прежнихъ гостей обѣдъ, на который являлись и новобрачные, въ первый разъ послѣ свадьбы показавшіеся тутъ въ чужомъ домѣ въ обществѣ. Разумѣется, послѣ обѣда все собраніе пировало, какъ слѣдуетъ: хлѣбосольные хозяева почитали за стыдъ не угостить *честную компанію* такъ, какъ она угощаема была на прежнихъ пирахъ.

Таковыя были въ старину главные свадебныя обряды у *низовыхъ казаковъ* и преимущественно въ Черкаскѣ, гдѣ они исполнялись во всей точности какъ въ высшемъ сословіи, такъ и между самыми бѣдными казаками. Въ станицахъ *верховыхъ* обряды сіи имѣли нѣкоторыя измѣненія: въ каждой было что-нибудь свое собственное.

ДОНСКІЯ ПѢСНИ.

1 (*).

Какъ на славныхъ на стѣнахъ было саратовскихъ,
Что пониже было города Саратова,
А повыше было города Камышина,
Собирались казаки-други, люди вольные,
Собирались они, братцы, во единый кругъ:
Какъ донскіе, гребевскіе и янцѣе;
Атаманъ у нихъ Ермакъ, сынъ Тимофеевичъ,
Есаулъ у нихъ Астанка, сынъ Лаврентьевичъ.
Они думали думушку все одную;
Ужъ какъ лѣто проходить, лѣто теплое,
А зима настаетъ, братцы, холодная,
Какъ и гдѣ-то намъ, братцы, зимовать будетъ;
На Яикъ намъ иттить, да переходъ великъ,
Да на Волгѣ ходить намъ, все ворами слыть,
Подъ Казань градъ иттить, да тамъ Царь стоитъ,
Какъ грозный-то Царь Иванъ Васильевичъ.
У него тамъ силы много-множество,
Да тебѣ, Ермаку, быть тамъ повѣшеноу,
А намъ, казакамъ, быть переловленнымъ,
Да по крѣпкимъ по тюрмамъ поразсоженнымъ.
Какъ не золотая трубунка вострубила,
Не серебряная рѣчь громко возговорить,
Рѣчь возговорить Ермакъ, сынъ Тимофеевичъ:
Гей, вы думайте, братцы, вы подумайте,
И меня, Ермака, братцы, послушайте:

(*). Приводимыя здѣсь пѣсни въ изданіи „Русск. Стар.“ на 182 г. снабжены нотами. *Ред.*

Заживаемъ мы, братцы, всё въ Астрахани.
А зимою мы, братцы, посправимся,
А какъ векроется весна красная.
Мы тогда-то, други братцы, во походъ пойдемъ.
Мы заслужимъ предъ грознымъ Царемъ вину свою:
Какъ гуляли мы, братцы, по синю морю,
Да по синему морю по Хвалыискому.
Разбивали мы, братцы, бусы, корабли,
Какъ и тѣ-то корабли, братцы, не орленые.
Мы убили посланничка всецарскаго,
Какъ тово-то вѣдь посланничка персидскаго.
Какъ во славномъ было городѣ во Астрахани.
На широкой, на ровной было площади,
Собирались казаки-други во единый кругъ.
Они думали думу крѣпкую.
Да и крѣпкую думушку единую:
Какъ зима-то проходить все холодная,
Какъ и лѣто настанетъ, братцы, лѣто теплое.
Да пора узъ намъ, братцы, въ походъ итти.
Рѣчь возговоритъ Ермакъ Тимофеевичъ:
Ой, вы, гой еси, братцы, атаманы молодцы.
Эй, вы дѣлайте лодочки-коломенки,
Забивайте вы кочета еловые.
Накладайте бабаечки сосновыя,
Мы поѣдемте, братцы, съ Божьей помощью;
Мы пригрѣнемте, братцы, вверхъ по Волгѣ по рѣкѣ,
Перейдемте мы, братцы, горы крутыя.
Доберемся мы до царства бусурманскаго,
Завоеемъ мы царство Сибирское,
Покоримъ его мы, братцы, Царю бѣлому.
А царя-то Кучужа во полонъ возьмемъ,
И за то-то Государь Царь насъ пожалуетъ.
Я тогда-то пойду самъ ко бѣлу Царю.

Я надѣну тогда шубу соболиную,
Я возьму кунью шапочку подь мышечку,
Принесу я Царю бѣлому повинную:
Ой, ты гой еси, надежда, православный Царь,
Не вели меня казнить, да вели рѣчь говорить:
Какъ и я-то, Ермакъ, сынъ Тимофеевичь,
Какъ и я-то, воровской донской атаманушка,
Какъ и я-то гулялъ вѣдь по синю морю,
Что по синю морю по Хвалынскому;
Какъ и я-то разбивалъ вѣдь бусы, корабли,
Какъ и тѣ-то корабли все не орленые;
А теперича, надежда, православный Царь,
Приношу тебѣ буйную головушку
И съ буйной головой царство Сибирское.
Рѣчь возговоритъ надежда, православный Царь,
Какъ и грозной-то Царь Иванъ Васильевичь:
Ой ты гой еси, Ермакъ, сынъ Тимофеевичь,
Ой, ты гой еси, войсковой донской атаманушка,
Я прощаю тебя да и со войскомъ твоимъ,
Я прощаю тебя да за твою службу,
За твою-то ли службу мнѣ за вѣрную,
И я жалую тебѣ, Ермакъ, славный тихій Донъ.

2.

Приуныло, приумолкло войско Донское,
Приужаснулася армейшка Царя бѣлаго
Безъ вѣрнаго служителя Государева,
Безъ Ивача Матвѣича Краснощекова.
Взяли Краснощекова въ полонъ шведы,
Повели добраго молодца къ Левенгаунту.
Какъ и сталь его Левенгаунтъ спрашивать:
«Ты скажи, скажи, добрый молодець, не утай ничего:
Ты чѣмъ служилъ Царю бѣлому, какъ ты жалованъ,
Сотникомъ, полковникомъ или бригадирушкой?»

Рѣчь возговорить Краснощеконъ Левенгаунту:

«Я служилъ Царю бѣлому ровно тридцать лѣтъ,

И не сотникомъ, полковникомъ, бригадирушкой;

Я служилъ Царю бѣлому рядовой казакъ».

Нѣтъ, не правду разудалый открываешь миѣ;

На тебѣ, молодець, управушка не казачая,

На тебѣ-то управушка командирская;

Я хочу тебя, младца, просить просьбою:

Ты служилъ Царю бѣлому ровно тридцать лѣтъ,

Послужи ты царю шведскому хоть три года.

Какъ воскликнулъ Краснощеконъ Левенгаунту:

«Ахъ, если бы была при миѣ сабля острая,

Послужилъ бы я надъ твоей буйной головушкой».

Въ статьяхъ о донскихъ казакахъ помѣщены нѣкоторыя слова мѣстныя, которыя не для всѣхъ читателей, можетъ быть, равно понятны

Здѣсь слѣдуетъ ихъ объясненіе.

Тума. Такъ называли у казаковъ пришлеца татарскаго племени, вновь постунившаго въ ихъ общество.

Шертваніе—у татаръ и калмыковъ присяга, совершаемая по обрядамъ магометанскаго и ламайскаго законовъ.

Юрть—вѣсь земли и воды, принадлежащія какой-нибудь станицѣ.

Чеканъ—родъ молотка съ рукояткою, имѣющею длины около полутора аршина. Съ симъ оружіемъ обыкновенно гонялись за волками.

Тарпанъ—дикій конь.

Чикилики—женское украшеніе, связанное сѣткою изъ жемчуга, которое, обвивая чело, спускалось подъ ушами.

